

КОНАН

КОНАН
И ГОЛОС
КРОВИ

Олаф Бьорн Локнит

Голос крови

Серия «Трон Дракона», книга 4

Текст предоставлен автором

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=180081

Конан и голос крови: АСТ, Северо-Запад Пресс; М., СПб.; 2002

ISBN 5-17-010527-4, 5-93698-064-5

Аннотация

В новом томе `Саги о Конане` читателя ждет завершающая часть тетралогии Олафа Бьорна Локнита `Трон Дракона`.

На первый взгляд кажется, будто киммериец и его друзья потерпели сокрушительное поражение от сил Мрака... Однако отважные герои никогда не теряют надежды. Даже если сами боги отвернулись от них, люди сумеют сами решить свою судьбу.

Содержание

СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К РУКОПИСЯМ	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ	8
ГЛАВА ВТОРАЯ	47
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	78
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Олаф Бьорн Локнит

Голос крови

СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К РУКОПИСЯМ

Предлагая благосклонному вниманию читателей четвертую, заключительную часть книги мемуаров, охватывающих события весны и начала лета 1294 года по основанию Аквилонии и посвященных так называемой «Войне Алого Камня», авторы вынуждены принести свои глубочайшие извинения, ибо при составлении этого тома они отступили от данного обещания: следовать исторической правде, какой бы нелицеприятной она не казалась.

К сожалению, завершая свой труд, мы вынуждены опираться только на собственные впечатления, во многом страстные и не соответствующие истине, а также полагаться на устные воспоминания очевидцев тех недавних событий. Кроме того, обстоятельства, приведшие к странно быстрой перемене властителей Немедийского Трона Дракона, затрагивают интересы слишком большого числа влиятельных особ, не желающих, дабы их нынешняя жизнь была омрачена скорбными либо нелицеприятными напоминания-

ми о минувших днях.

Примем также во внимание, что среди заинтересованных лиц, выступавших на той или иной стороне, находились маги различных степеней посвящения, чьи цели, устремления и образ действий могут показаться обычным людям весьма непонятными или же предосудительными.

Подымая сведения для составления последнего фолианта мемурий, авторы вынужденно изменили своим первоначальным убеждениям, прибегнув к намеренному искажению описания ряда поступков, свершенных героями тех загадочных и тревожных времен, умолчанию относительно истинной подоплеки тех или иных происшествий, а также дерзнув прибегнуть к подсказкам собственного воображения, дабы с его помощью отчасти восстановить приблизительное расположение причудливых звеньев цепи, выкованной общими усилиями вольных и невольных участников охоты за Алым Талисманом.

В особенности сии искажения коснулись части истории, посвященной судьбе наследницы Мораддина Эрде и ее спутника, выведенного нами под именем «Мага из Рабиров», ибо до сих пор не существует общепринятого мнения касательно его личности и подлинной сущности. Знающие истину предпочитают молчать, не ведающим же предоставляет огромное поле для построения невероятных предположений...

Совершенно правы окажутся те из наших будущих чита-

телей, которые, завершив изучение четвертой книги мемуаров, с недоумением воскликнут: «Какая же это историческая хроника? Скорее, волшебная сказка, куда для правдоподобности вкраплено несколько известных имен да притянутые за уши оправдания необходимостью из-за неких политических обстоятельств скрывать истину за засовами тайны! Мы ожидали иного!»

Авторам не остается другого выхода, кроме признания справедливости брошенных обвинений, оправдываясь лишь одним: кто из живущих сможет с уверенностью отделить в повестях о минувших годах реальность от вымысла и провести границу между истиной и легендой? Любое мало-мальски важное событие с течением времен обрастает небывлицами, как песчинка – слоями перламутра, становясь драгоценной жемчужиной.

Пусть же все остается как есть. Мы утешимся сознанием того, что приложили усилия для воссоздания картин прошлого, раскрыли парочку-другую секретов, представили интересующимся возможность познакомиться с незаурядными личностями, современниками и знакомыми коих мы имели честь быть, и отчасти приподняли завесу над происхождением артефакта, ныне справедливо полагаемого величайшей ценностью короны Аквилонии...

**Аквилония, Тарантия. Подписано на Праздник
Осенней луны 1296 года собственной рукой Халька**

**Юсдаля из Гандерланда, а с ним и удостоверяется ро-
счерком Хэлкарса, барона Целлига из Бельверуса.**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Взгляд со стороны – I

«Осколки минувшего»

Бельверус, Немедия.

Весна 1294 года по основанию Аквилонии.

В солнечном луче кружатся сверкающие пылинки. Луч косо падает из узкого окна, расположенного на высоте добрых шести локтей. Стрельчатый проем перечеркнут толстой железной решеткой. Через окно проникает не только свет, но и мерный рокочущий шум, производимый находящейся неподалеку огромной толпой. Он становится то громче, то тише, позволяя расслышать отдельные фразы, произносимые уверенным, далеко разносящимся голосом герольда:

– ...В согласии с решением дворянского Собрания Немедии, одобренного Его величеством Тараском Эльсдорфом... Как убежденных врагов короны, злоумышлявших на основы государства и добровольно последовавших за самозванцем... Отчуждение привилегий благородного сословия и лишение прав на владение земельными наделами... К казни через отсечение головы и повешение...

Мельчайшие частицы пыли блестят, подобно граням драгоценных камней, и опускаются все ниже и ниже. Туда, на

каменный пол – три шага в длину, четыре в ширину.

В углу, тускло освещенном солнечными квадратами, брошен тюфяк из серой холстины, набитый соломой. Рядом – треснувший с одного края глиняный кувшин и пустая миска. На тюфяке, крепко обхватив колени руками, сидит женщина. Вернее, девушка-подросток. Невысокая, тощенькая, одетая в мешковатое платье убогого вида, с небрежно заплетенными в кучьи косички темными волосами. Тонкое лицо в разводах желтоватых и лиловых синяков, полученных за минувшие полтора десятка дней. Угол рта разбит, и девушка постоянно слизывает выступающие капли крови. Зеленые глаза смотрят чуть отстраненно, словно девица не понимает, где находится.

Так и есть: после сокрушительного поражения армии мятежников возле замка Демсварт их предводительница, герцогиня Долиана Эрде, в какой-то мере потеряла способность к здравому соображению. Ее мысли беспорядочно мечутся, память отказывается сохранять виденное, а душа похожа на заброшенный пустырь, над которым гуляет холодный ветер.

Дана Эрде знает свою дальнейшую судьбу. Она провела в этой камере пять дней, и сегодня выйдет отсюда в последний раз. Выйдет, чтобы одолеть не больше тысячи шагов и попасть на площадь подле стен замка короны в Бельверусе. Там ее короткий путь закончится. Интересно, ей придется идти самой или ее провезут согласно традициям – на шаткой повозке, обитой черной тканью?

Девушка прислушивается к звукам в тюремном коридоре. Когда раздастся приближающийся гулкий топот четырех или пяти человек, она встанет на ноги и встретит их, как подобает. Она признала свою вину и готова ответить за совершенное.

Но сейчас она пытается заставить себя заново прожить дни, сломавшие жизнь не только ей, но и тем, кто поверил ее словам. Извлечь из прохудившегося мешка с воспоминаниями каждое слово, каждый поступок, каждый жест.

Вьются, оседая, залетевшие снаружи пылинки. Долиана, герцогиня Эрде-младшая, осужденная и приговоренная к смерти мятежница, участница неудавшегося Рокода, бережно перебирает обрывки своего недавнего прошлого.

Осколок Первый: Переговоры.

Замок Демсварт, Немедия.

25 день Второй весенней луны.

Отправляясь на встречу в замке Демсварт, Дана не питала никаких радужных надежд. Разумеется, ехала она не одна. Надежная, сплоченная группа единомышленников – Эдмар Крейн, Ньоро Висмарт, Ретта Дюшрек, Герен дие Итери, Эскен Клеве – наследники семейств Полуночной Немедии, ставшие за время мятежа ближайшими и вернейшими соратниками Ольтена Эльсдорфа и Долианы Эрде. Кавалькада держалась маленьким, плотно сбитым отрядом, и Дана кра-

ем уха слышала их разговоры. Молодежь, вопреки доводам разума, верила, что сегодня будет неопровержимо доказана истина и вскоре трон Немедии перейдет к Ольтену. Острый на язык Ньоро дразнил приятелей, щедрой рукой распределяя должности в будущем Королевском Совете и предрекая друзьям великие судьбы.

Долиана искала способ сорвать переговоры. Они ей совершенно не требовались.

В последнее время молодая герцогиня Эрде начала замечать странные изменения в своем поведении. Ее обычно гибкий и привыкший находить всевозможные решения ум словно закаменел, не желая прислушиваться к сторонним мнениям. Она стала злой и несговорчивой, часто срываясь на крик. Ее раздражало, что предводителем Рокода считают Ольтена, она нуждалась в постоянно оказываемом ей восхищении, и молчаливо одобряла сложившийся вокруг нее культ поклонения. Дана твердо знала, что многие из едущих рядом молодых людей не задумывая, отдадут жизнь по ее приказу. Это льстило, но Дана Эрде стремилась к большему. К чему – она пока не слишком хорошо представляла.

Ее самоуверенность дала было тонкую трещину после недавней встречи с жутким рабирийским магом, осмелившимся накричать на нее, словно на нашкодившего ребенка, и требовавшего отдать Талисман. Это окончательно лишило девушку хрупкого самообладания. Каримэнон, Алый Камень, стал ее частью, сердцем и душой, советником и по-

мошником. Расстаться с ним – как добровольно сунуть голову в петлю. Дана помыслить о таком не могла, достаточно резко высказав свое мнение. В ответ колдун попытался напасть. Долиана схватилась за Кристалл, готовясь защищаться, но магический удар достался не ей, а Маэлю Монброну, не вовремя сунувшемуся между госпожой Эрде и Элларом из Рабиоров.

Той же ночью Дана твердо решила: никакого мира. Только сражение. Одноглазое чудище наверняка прислал Тараск, напутствовав своего верного приспешника требованием избавиться от вождей мятежников. Довольно попыток решить дело уговорами и расшаркиваниями! Пусть Совет Семи королей сколько угодно заискивает перед его светлостью Тараском, она, Долиана Эрде, знает, как ей поступать. Нужен только повод.

– Дана, что ты задумала? – нарочито беспечно осведомился ехавший рядом Ольтен. Принц давно усвоил, что за молчанием его сподвижницы частенько кроется внезапный подвох.

– Ничего, кроме хорошего, – отмахнулась герцогиня Эрде-младшая. Ей стоило больших трудов сдерживать себя, дабы не накричать на наследника Эльсдорфов. Он действовал ей на нервы своей поистине собачьей преданностью, несвоевременными заботами и тщательно скрываемым намерением заменить в будущем ею, Долианой Эрде, свою погибшую в Бельверусе супругу Кариолу. Последнего Дана не

собиралась допускать ни под каким видом. Стать чьей-то принадлежностью, собственностью! Ни за что, никогда!

Переговоры, как предполагала Дана, вылились в сущий фарс. Только усвоенные с детства правила приличия мешали ей расхохотаться в голос. До чего убоги эти напыщенные короли и королевы, с их мелочными стремлениями и желанием урвать свой кусок добычи! Прославленная Чабела Зингарская – хлопотливая клуша, опасаящаяся, что ее цыплята разбегутся или, не приведи боги, посмеют иметь собственное мнение. Дана искренне недоумевала, с какой стати ее дядюшка, Рейенир да Кадена, показавшийся вполне разумным человеком, таскается, как привязанный, за зингарской королевой? Как только отец, Мораддин Эрде, хитрейший и расчетливейший из людей, мог полагать своим лучшим другом это тупое говорящее животное, Конана из Аквилонии? Эрхард, король Пограничья – желчный и въедливый старикан, его подданные – сущие кобели как снаружи, так и внутри, Тарамис Хауранка – размалеванная шлюшка на троне, Альбиорикс Бритунийский – безмозглый вояка.

В сторону Тараска Эльсдорфа герцогиня Эрде-младшая старалась не поворачиваться, опасаясь невольно обратиться к Камню и наслать на самозванного правителя Немедии какое-нибудь действенное проклятие или просто испепелить его на месте.

Присутствовавшие волшебники выглядели ничуть не лучше. Стигиец Тотлант чем-то донельзя запуган, Ораст из Ко-

фа – заискивающий подхалим, Аррас – пыжащееся ничтожество, Райан Монброн корчит из себя самоуверенного всезнайку. За равного противника Дана нехотя признала только ксальтоуна, положив в будущем как можно скорее отделаться от него. Это настоящий враг, коварный и могущественный.

Долиана с усмешкой созерцала круговорот страстей в большой зале замка Демсварт, свирепыми взглядами осаживала сторонников, в запальчивости собиравшихся вмешаться в спор, и внутренне усмехалась. Она не совершит ошибок и не допустит оплошностей. Пусть ее противники азартно роют себе могилу. Дана Эрде с удовольствием бросит первую горсть земли на их гробы.

Счастливым случай идет к тому, кто умеет терпеливо ждать. Когда Чабела истерично выкрикнула известие о перерыве, грозя страшными карами любому, кто нарушит перемирие, и выбежала из зала, Дана отправилась вслед за ней. Ольтену и Крейну приспичило обменяться парой любезностей с Конаном, и она не стала возражать. Пусть болтают. Решение все равно примет она.

Чабела отыскалась на маленькой галерее, тянувшейся почти под самым потолком парадного зала. Королева Побережья пребывала в обществе Рейе и в крайнем душевном расстройстве. Дана позволила себе роскошь слегка посочувствовать зингарке, но смягчать удар не стала. Сказала, что полагала нужным: Немедия обойдется без подсказок со сто-

роны и править страной должен законный король, а не заезжая регентша. Перезрелая красotka из Зингары оскорбленно поджала губы, и, словно в ответ на молчаливую просьбу Эрде-младшей, на балкон ввалилась шумная компания. Ольтен, зверовидный король Аквилонии вкупе с кем-то из придворных лизоблюдов, вертихвостка Тарамис, стигиец Тотлант и Дженна, девица-варварка из Пограничья. Конан совершенно безосновательно вообразил себя наиболее мудрым из собравшихся, немедля посоветовав Дане срочно избавиться от Камня. Чабела с готовностью поддакнула, сулясь в обмен на гибель Каримэнона помочь Рокоду деньгами.

Долиана не верила ни единому их слову.

Правильно сделала, ибо спустя несколько мгновений аквилонский правитель, в припадке ярости обругав немедийцев последними словами, бросился с кинжалом на Ольтена. Королю помешала угрюмая Дженна, умело выбив из его руки лезвие, взмывшее вверх и глубоко засевшее в потолочной балке. Вспыхнуло краткое побоище, завершившееся тем, что Конана общими усилиями скрутили и оттащили.

На шум примчался Крейн сотоварищи, ни о каком продолжении переговоров не могло быть и речи. С тщательно отмеренной долей ярости вlepив оплеуху Его величеству государю Аквилонии, Дана удалилась, чувствуя себя победительницей. В глубине души она сожалела, что Ольтен только ранен. Ударь Конан чуток посильнее, вынудив душу последнего из династии Эльсдорфов отправиться в края Владыки

Судеб, у Долианы Эрде были бы развязаны руки. Ей больше не требовалось бы делить власть и объяснять кому-то свои поступки. Она стала бы единовластной предводительницей Рокода, а затем – чем судьба не шутит? – наверняка добилась бы короны Немедии.

Ольтен остался жив. Что ж, ему тоже найдется подходящее место в далеко идущих замыслах герцогини Эрде-младшей. Потомку Эльсдорфов очень скоро придется расстаться с надеждой, что Дана по доброте душевной и извечной женской слабости уступит ему первенство. Наследница Морадина безжалостно вытравила из своего характера подобные недостатки. Она – летящая к своей цели стрела, которую ничто не остановит.

Осколок Второй: Военный совет.

Лагерь мятежников около Демсварта.

Поздний вечер 25 дня Второй весенней луны.

Ранение Ольтена оказалось неопасным. Глубокая царапина, много крови, а в сущности пустяк. Принц, видимо, испытывал чрезвычайную неловкость за проявленную слабость и то плачевное обстоятельство, что он на глазах соратников и чужеземных королей шлепнулся в обморок. Поэтому на протяжении вечера двадцать пятого дня Второй весенней луны он угрюмо помалкивал, внимая, как Дана, граф Эдмар Крейн, месьор Итери, владелец большого торгового

го города Меноры, и баронесса Ретта Дюшрек по прозвищу Золотая Куница, которой стоило бы родиться мальчишкой, яростно спорят над расстеленными планами окрестностей Демсварта, разрабатывая стратегию завтрашней битвы. По матерчатой крыше огромного шатра заунывно стучал весенний дождь, колыхались свечи в лампах разноцветного стекла, время от времени вбегали нарочные, приносявшие доклады о том, как продвигается строительство укреплений и сооружение ловушек, предназначенных для кавалерии Тараска. Ретта, дослушав сообщение, хватала пузырек с чернилами и кисточку, быстро нанося на карту соответствующие значки.

– Силы у нас примерно равны, – рассуждал Эдмар, сердито отбрасывая в сторону падавшую ему на глаза прядь русых волос. – По десять с небольшим тысяч воинов. У нас преобладает пехота и лучники, у Тараска – конные рыцари. Зато мы устроились на холме, а его некоронованная милость торчит внизу. Здесь и здесь, – он провел пальцем вдоль подножия выполненного в коричневых и зеленых красках высокого холма, примыкавшего с полуденного восхода к возвышенности, занятой башнями Демсварта, – сейчас всю копают рвы с кольями. Мы вырубili часть рощ на склонах и сложили из бревен с полдюжины засек. За ними расположатся лучники и арбалетчики, следовательно, во-от эта часть долины будет у нас как на ладони. Герен, что у тебя?

– Мастерим второе кольцо из повозок, ближе к вершине, –

Герен дие Итери, возраст коего слегка перевалил за сорок, оказался в свите принца самым старшим. Он со своей дружиной принимал участие в войне с Бритунией, случившейся три года назад, и в Офирской компании пятилетней давности, и его мнение бывалого вояки высоко ценилось. – Разводим копейщиков по готовым позициям. Пять сотен человек верхами рано утром спустятся с нашего холма и встанут за перелеском, что к Полуночи. Еще пятьсот засядут в долине между нами и Демсвартским холмом. Остальные уйдут к замку.

– Зачем? – скривилась Дана. – К чему распылять силы?

– Затем, что Тараск Эльсдорф не лишен сообразительности и тоже способен предпринять попытку обойти нас, – невозмутимо пояснил Итери. – И затем, что по правую руку торчит лагерь Семи Королей, в котором насчитывается не меньше десяти сотен воинов. Вдобавок там обретаются такие горячие головы, как Конан Аквилонец, Пуантенский Леопард, Эрхард из Пограничья и Альбиорикс Бритунийский. Я знаю, что они обещали стоять в стороне, однако можно ли сполна доверять чьим-либо клятвам?

– Ты прав, – Долиана Эрде кивнула. Баронесса Дюшрек выслушала очередного посланца, стремительно начертила поперек склона холма прерывистую черную линию, обозначающую готовый палисадник для стрелков, и вполголоса проговорила:

– Клеве и его подчиненные заканчивают рыть ямы. Они

находятся здесь, здесь и здесь, – кисточка трижды притро-
нулась к пергаменту, оставляя красные пятна. Ретта огляде-
лась, сердито крикнув: – Эй, гонца мне! Лети к Висмарту и
предупреди, чтобы его кавалерия гарцевала поосторожнее.
Свялятся в собственную ловушку, позора не оберешься!

– Теперь о твоём отряде, госпожа, – Крейн вытащил кар-
ту с изображением семиугольника крепости Демсварт, за-
севшей на выступающем в реку утесе, и постучал ногтем по
башне, замыкающей стены на полуденном закате. – Шесть-
десят локтей высоты, отличный вид на всю округу. Ты рас-
положишься там. С Талисманом, охраной, сигнальщиками и
конницей под командованием Эскена фон Клеве, прикрывая
нас от волшебства ксальтоуна. Действуй по своему усмотре-
нию, но ради всех богов, не высывайся без необходимости.
Помни, в случае неудачи крепость станет нашим оплотом.
Не позволяй выманить тебя наружу, береги всадников и не
давай людям Тараска даже приблизиться к стенам!

– Поняла, – Дане не слишком нравилась мысль, что во
время сражения она будет отсиживаться в относительной
безопасности за бастионами старого Демсварта. Однако до-
стойных возражений в голову не приходило. Крейн говорит
сущую правду: она не воин, ей совершенно незачем носиться
по равнине вместе с конными отрядами и опасно оставать-
ся в шатре на вершине холма. Военное счастье переменчи-
во, высота может быть захвачена. Крепость надежнее. Отту-
да она прекрасно увидит любые перипетии битвы и сумеет

в нужный момент вмешаться. В том, что противная сторона обязательно прибегнет к магической поддержке, герцогиня Эрде-младшая не сомневалась.

Разошлись глубоко за полночь, убедившись, что из каждый соратников усвоил, какие действия ему надлежит совершить завтра. Дана сняла со стены лампу и вышла проводить участников маленького военного совета. Заодно обогнула шатер и взглянула на тщательно залатанную кривую прореху, память о кратком пребывании в лагере мятежников не в меру раздражительного колдуна из Рабиров. Мимолетом Дана подумала, как там поживает Маэль Монброн – аквилонский граф вызывал у нее смутную симпатию – и отправилась спать. Завтра придется встать рано, до наступления рассвета.

Грядет трудный день. Трудный и славный.

Ольтен по-прежнему сидел за столом, подпирая голову руками и рассеянно изучая огромные пергаментные листы чертежей. При виде возвратившейся Долианы он шевельнулся и неожиданно спросил:

– Дана, ты уверена, что мы поступаем правильно? Может, еще не поздно вернуться к переговорам? Если мы обратимся к Чабеле, она наверняка поможет...

– Снова будут произноситься бессмысленные речи и даваться обещания, которые никто не собирается выполнять, – огрызнулась Дана. – Переговоры бесполезны, ибо Тараск не собирается нас выслушивать и меньше всего хочет, чтобы

темные дела, совершенные им ради получения Трона Дракона, выплыли на свет. Как и нам, Кофийцу необходимо очевидное, бесспорное доказательство его правоты. Таким доказательством может служить только безусловная победа или поражение. Или – или, мой друг, как на редкость здраво заметил неприятный месьюр ксальтоун. Иного не дано. Ступай вздремни. Тебе завтра командовать, вести армию в бой и быть героем. Что же до дражайшей Чабелы, то Ее зингарское величество напрочь запуталась в паутине собственных интриг. Она должна сообразить, что регентшей Немедии ей не бывать и лучше вовремя отойти в сторону. Мы справимся сами.

Говоря, Дана поспешно размышляла, стоит подкрепить ободряющие слова действием или нет. Пожалуй, стоит. Ольтену завтра придется куда труднее, чем ей.

– Ты победишь, я верю и знаю, – девушка встала за табуретом Ольтена и быстрым движением ладони взъерошила густые светлые волосы принца. – Никто не сможет встать у нас на пути. Скоро мы вернемся в Бельверус, вернемся как победители. И вздернем Тараска Эльсдорфа на Золотых Офирских воротах, пусть болтается!

– Мне бы твою уверенность, – вздохнул Ольтен. Иногда он побаивался своей верной соратницы. С тех пор, как она заполучила Алый Камень, ее характер сильно изменился, причем не в лучшую сторону. Принц опасался, что молодая герцогиня Эрде вступила на скользкую дорожку излишней са-

монадеянности. Вдобавок Ольтен внимательно прислушался к речам странноватого мага из Рабиров и нашел многое в его словах соответствующим истине. Переливчатый блеск Каримэнона ослепил Долиану, сделав наследницу дома Эрде мстительной и жестокой.

Осколок Третий: Битва.

Окрестности замка Демсварт.

Около восьмого послеполуночного колокола

26 дня Второй весенней луны.

Башни замка, как и положено, завершались большими круглыми площадками, обнесенными изрядно осыпавшимися зубцами. Похоже, у семейства Демсвартов не хватало средств на достойное содержание фамильного укрепления, и оно потихоньку ветшало.

Дана забралась в бойницу между двумя выступами и, придерживая раскачивавшийся на золотой цепочке Талисман, выглянула наружу. Налетевший ветер немедля растрепал ей волосы и принялся назойливо дергать за складки плаща.

Эдмар Крейн не ошибся. Отсюда в самом деле открывался замечательный обзор. На холме справа и чуть впереди виднеются яркие палатки Совета Семи королей, столпившиеся вокруг пронзительно-голубого шатра под знаменем с Золотой Башней Кордавы. Прищурившись, Долиана рассмотрела кучку людей, стоявших подле входа в маленький передвиж-

ной дворец зингарки. Должно быть, Чабела и ее коронованные дружки собрались поглазеть на сражение. Впереди, в направлении Полудня, не более, чем в лиге от крепости, грозно поднимается темная, безлесная возвышенность, окруженная кольцами опрокинутых набок повозок и наскоро сооруженных палисадников. Вдоль укреплений стремительно движется маленький конный отряд: Ольтен, Эдмар Крейн и Герендие Итери в последний раз проверяют готовность армии Роккода. Принц наверняка сочтет необходимым произнести пару-другую патетичных фраз.

Дана Эрде повернулась к Закату. Пологий склон, подернутый тающими клочьями утреннего тумана, тяжелый топот спускающейся в долину конницы и долетающий даже сюда лязг доспехов. Армия Тараска строится в два огромных клина, готовясь к бою. Тяжелой пехоте нужно пересечь равнину – марш в пол-лиги через кочковатое поле, засыпанное мокрым снегом, перемешанным с чавкающей грязью. Сомнительное удовольствие.

Она уже собиралась вернуться обратно, когда ее внимание привлекла ярко блеснувшая оранжевым точка. Костер. Точно, огромный костер, сложенный у подножия холма, занятого посольским лагерем. Сигнал? Неосторожность воинов, плеснувших в пламя кувшин масла? Какой-то ритуал? Может, у зингарцев сегодня праздник?

Ничего не решив, Долиана спрыгнула вниз, пробежала через площадку и, перевесившись через хлипкое деревянное

ограждение, взглянула во внутренний двор крепости, отданный во владение кавалерии мятежников. Триста с небольшим лошадей и столько же людей. Пестрое сборище гомонило, разбивалось на десятки, звенело оружием и всячески выказывало полнейшую готовность к бою. Дана поискала взглядом их командира, Эскена из баронства Клеве на Соленых Озерах, и нашла его на ступеньках высокого парадного крыльца. Эскен в окружении дружинных отдавал распоряжения, водя пальцем в латной перчатке по трепетавшему на ветру чертежу.

Кто-то заметил герцогиню Эрде на вершине башни и заорал «Слава Госпоже!». Его дружно поддержали, и Дане пришлось милостиво помахать рукой своим сторонникам.

Настало время позаботиться о Талисмане, большом темно-алом полупрозрачном рубине в золотой оправе в виде кусающего свой хвост дракона.

Долиана попыталась изгнать из головы любые посторонние мысли. Общение с магическим предметом требовало полной сосредоточенности, а сегодня ей предстояло не только нападать, но и защищать свою армию от атак волшебника, куда более умелого и знающего, чем она сама. Ксальтоун, маг высшего посвящения, выступавший на стороне Тараска Эльсдорфа, стократно превосходил Дану Эрде по опытности, зато на ее стороне имелась Сила, коей не обладал ни один из волшебников Материка. Дане не всегда удавалось придать этому могуществу реальное воплощение, однако она стара-

тельно училась и верила в свою удачу.

Стороннему наблюдателю показалось бы, что невысокая темноволосая девица дремлет, привалившись к изъеденной ветром каменной стене. На самом деле Дана на редкость быстро достигла необходимого мысленного слияния с Каримэноном, и решила испытать свои возможности, заодно проверив, хороша ли защита у ксальтоуна.

Высоко над головами защитников крепости возникло серо-лиловое мохнатое облачко, быстро поплывшее вниз по склону. Достигнув пределов равнины, облачко потемнело, свернулось крохотным смерчем и выбросило из себя длинную, ветвистую молнию ярко-розового цвета. Молния, изогнувшись дугой, с оглушительным треском ударила по первым рядам латников Тараска и рассыпалась на сотни гаснущих алых искр. Клин тяжелой пехоты на миг сбился с шага, а затем продолжил размеренное движение, оставляя за собой широкий черный след перепаханной сотнями ног земли.

Девушка на башне замка зло прикусила губу. Ее удар не достиг цели, вовремя отклоненный магией ксальтоуна.

– Госпожа! – на площадку опасно сунулся незнакомый Дане молодой воин, носивший цвета Клеве. – Госпожа, прости, там прискакал человек со стороны лагеря Семи королей. Говорит, он твой сородич...

– Позови его сюда, – Дана удивленно подняла бровь. Дядюшка Рейенир? Он-то с какой радости решил вмешаться в людские дела?

Вестник исчез и вскоре вернулся в сопровождении стройного, худощавого мужчины, одетого в легкий кавалерийский доспех и вооруженного зингарским спадомом. Незнакомец отсалютовал герцогине Эрде-младшей, блеснул темными глазами с лукавыми золотыми искрами:

– Доброго утра, дражайшая племянница. Воюешь?

– Стараюсь, – она никак не могла привыкнуть, что Рейе Морадо да Кадена, выглядевший старше Даны от силы на десяток годков, действительно приходится ей родным дядей, а его возраст потихоньку подбирается к второй сотне лет. Рейенир, как его младшая сестра Ринга Эрде и ее дочь Долиана, происходил из загадочного и древнего народа гулей, обитающих в Рабирийских горах. Старость грозила ему только спустя двести-триста лет. В Демсварт Рейе приехал вместе с приятельницей, красоткой по имени Меланталь Фриерра, умудрившись проникнуть в свиту королевы Чабелы и неплохо там устроившись, благодаря язвительному уму и привлекательной внешности. – Что ты тут делаешь? Надеюсь, не собираешься, подобно своему окривевшему дружку-магу, уговаривать меня прекратить войну и сложить оружие?

– Намереваюсь присмотреть за тобой, и только, – Рейе с опаской покосился на переливавшийся алыми и пурпурными бликами Камень. – Ты колдуешь, я слежу, чтобы никто не напал на тебя со спины, только и всего.

– Как дела у Чабелы? – краем глаза Долиана наблюдала за равниной, а внутренним чутьем – за неуловимыми для про-

стого смертного колебаниями магической Силы. Когда волны магии начнут метаться из стороны в сторону, становясь выше и грознее, нужно ждать выпада ксальтоуна. Обмен ударами происходит почти как в обычном поединке на мечах. И внимание требуется почти такое же, если не большее.

– Она не станет вмешиваться, – Рейенир облюбовал сложенное из блоков песчаника низкое и широкое возвышение с вделанными в камень железными кольцами – некогда на нем устанавливалась катапульта или баллиста. Уселся, положил рядом вытащенный из ножен клинок, и негромко спросил: – Видела недавно большой костер у зингарского холма?

– Угу, – кивнула девушка.

– Маэль Монброн умер. Сегодня ночью. Его душу приняло пламя.

Долиана Эрде быстро сглотнула и ничего не ответила. Подошла к бойнице, взглянула вниз, убедившись, что пехотные клинья под знаменами Немедии успешно одолели почти половину трудного пути через низину. Кавалерия Тараска выбиралась из лагеря и строилась в ровные каре, собираясь последовать за пешими ратниками.

– Не отвлекай меня больше, – сухо бросила через плечо девушка. – Только если стряется нечто важное. Присматривай заодно за долиной между нашим холмом и тем, где стоит Ольтен.

Она мысленно прокладывала себе дорогу в мерцающие алые глубины кристалла, одновременно пытаясь охватить

взглядом поле сражения. Вскоре ей повезло: она наткнулась на ослепительную красную искру. Ксальтоун, не иначе. Держится в тылу продвигающихся тяжелых латников, сопровождение – не меньше пяти десятков хорошо вооруженных всадников. Отчего это месьюру колдуну не сидится в безопасном лагере?

Догадавшись, Дана невольно хихикнула. Оказывается, у заклятий ксальтоуна имеется предел! Ему нужно добраться хотя бы до подножия холма, на котором засели мятежники, иначе его магия бессильно развеется в воздухе или обрушится на людей Тараска!

«Вот я тебе устрою веселую жизнь», – мысленно послулила своему противнику Долиана, поспешно творя с помощью Кристалла гроздь плывущих в небе косматых шаров, сотканых из огня. Шары скатились по воздушной горке в долину, зависли над грузно топающими щитниками и лопнули, просыпавшись ливнем раскаленных градин. Часть из них достигла цели, вынудив острия клиньев остановиться, часть упала на равнину. Вторая попытка оказалась менее удачной. Начиненные смертью посланцы Даны вдруг дружно повернули налево, засыпав своим грузом позиции армии Ольтена. Начинаящая колдунья в нешуточном испуге схватилась за голову, но времени страдать над допущенной ошибкой не оставалось.

Последующие мгновения стали для нее крайне тяжелыми: ксальтоун, быстро обнаружив местоположение соперни-

цы, наградил Демсварт сначала дождем из острых льдинок, затем собрал над замком рой из всех окрестных жалящих насекомых (находившиеся во дворах лошади заметались и долго не могли успокоиться), и напоследок едва не заставил Дану поверить, что складывающие башню камни начали сыпаться в песок.

– Ах, так? – девушка разъярилась не на шутку. Отвечая ее настроению, обычный ровный цвет Каримэнона сменился на темно-пурпурный. Она успешно превратила почти на десяток ударов сердца жидкую грязь равнины в неглубокое болотце, заставила каждую железную вещь, нацепленную на пехотинца, стать в десять раз тяжелее, отчего многие не устояли на ногах, и учинила быстро перемещающуюся снежную бурю, расшвыривавшую людей направо и налево, за которой ксальтоуну пришлось изрядно погоняться.

Однако большая часть совместных усилий Даны и Алого Камня уходила на то, чтобы мешать придворному волшебнику Тараска наносить удары по армии мятежников. Девушка не всегда успевала предугадать, каков будет следующий ход ксальтоуна, а он, казалось, располагал неисчерпаемым источником новых и новых коварных уловок. Делал вид, будто собирается прибегнуть к знакомому Дане по магическим трактатам «Белому шквалу» и она торопливо готовилась усмирять бушующий ветер. Вместо этого на вершину холма обрушивалась волна испепеляющей жары. Робкие попытки Долианы Эрде атаковать самой быстро и умело пресе-

кались. В скором времени она поняла: лучше уйти в глухую оборону и прикрывать воинов Ольтена, нежели открыто нападать на волшебника.

В горячке боя она не сразу поняла, кто яростно дергает ее за рукав и чуть не отшвырнула помеху к противоположной стороне площадки.

– Дана! – тревожно прокричал почти в самое ухо племянницы Рейе. – Дана, за холмом что-то происходит! Можешь разглядеть, что там творится?

Реальная картина битвы повергла герцогиню Эрде-младшую в состояние краткого оцепенения и ужаса. Она уже давно не выглядывала в бойницу, занятая только Каримэном и поединком со стигийским магом. Тем временем пехота благополучно одолела топкую низину, вскарабкалась по склону, потеряв часть людей в ловушках, и теперь, расконцентрившись, всю штурмовала кольцо повозок и палисадники. Тонкий непрерывный вой, преследовавший Дану, оказался свистом взлетающих в небо стрел, а происхождение хруста, жесткого лязга, криков и истошных воплей определялось без труда. Легионы Тараска атаковали, мятежники отбивались, сидевший в засаде под Демсвартским холмом конный отряд Ольтена покинул свое место и сцепился с кавалерией, пришедшей из лагеря несостоявшегося короля Немедии. С полуденной стороны возвышенности, там, где тянулась проселочная дорога к деревушке Алгиз, яростно вскипало некое людское месиво, которое по милости ксаль-

тоуна то посыпало огненным градом, то полосовало бледно-синими молниями.

– Госпожа, госпожа! – грохот сапог, взбирающихся по узкой и шаткой лестнице, едкий запах лошадиного пота и крови. Гонец с поля боя, кто ж еще. – Там беда! Оборону прорвали и сотня тяжелой конницы откуда-то вывернулась! Госпожа, они скоро ворвутся в лагерь, а у нас людей позарез недостает! Сделайте что-нибудь!

– Где Ольтен? – быстро спросила Дана, догадываясь, что безопасное сидение в крепости окончилось. Пора разделить судьбу остальных мятежников. – Кто пока остался в живых и кого уже нет на свете?

– Принц там, у пролома! – задохнулся вестник. – Его милость Итери зарубили! Ньоро из Висмарта и Ретта Куница дерутся вместе с его высочеством, только...

Гонец не договорил и стал медленно сползать вниз по желтоватой стене. Свалился и больше не двигался.

– Ты не обязан идти вместе со мной, – Долиана взяла в ладони висевший на золотой цепочке Камень: тяжелый, холодный, с шелковистыми скользкими гранями. – Возвращайся в лагерь Семи королей. Это не твоя война.

– Конечно, не моя, – с подозрительной готовностью согласился Рейе и поинтересовался: – Что ты намерена делать? Поднять изнывающих от бездействия сорвиголов своего резерва и идти спасать Ольтена?

– Предложи что-нибудь другое, – зло потребовала Дана. –

Я не могу очертя голову шарахнуть по схватке! Как мне отделить союзников от противников, и растолковать это различие Камню?

– Останься в замке. Там, – гуль махнул в сторону холмов, – от тебя никакой пользы. Твое дело – магия и оборона крепости. У рыцарей есть свой командующий.

– Кому оборонить Демсварт, найдется без меня, – отрезала девушка. – Прячься за стенами, я ничего не добьюсь!

– Зря ты так говоришь, – Рейенир укоризненно покачал головой. – Я наблюдал за битвой. Если бы не ты, ксальтоун давно превратил бы мятежников в кровавую кашу.

– Хватит споров! – Дана подняла руку. – Я отправляюсь с Эскеном, а ты поступай, как считаешь нужным.

– Треснуть тебя, что ли, по голове да привязать здесь? – задумчиво спросил светло-голубое весеннее небо Рейе. – Ведь непременно отвяжешься и убежишь. Поехали, племянница.

...Эскен, один из многочисленных отпрысков древнего и разветвленного баронского рода Клеве, спокойно выслушал приказ госпожи Долианы оставить крепость и оказать поддержку принцу Ольтену. Не удивился он и настойчивому желанию герцогини Эрде лично принять участие в вылазке, а если удивился, то ничем своих чувств не выказал. Распорядился немедля добыть для ее светлости доспех поменьше размерами, меч и хорошего коня.

С лошадью никаких трудностей не возникло. Нужный до-

спех и клинок отыскивали в оружейной замка – их до наступления совершеннолетия носил один из отпрысков барона Демсварта. Хрупкой Дане пузатая железная кираса с чеканкой в виде скачущего коня оказалась слегка великовата и постоянно съезжала направо. Как действовать прямым тяжелым палашом, она имела довольно смутное представление. Ее учили обращаться с кинжалом, стилетом и легкой шпагой, а подобный клинок угодил к ней в руки впервые. Эрде-младшая больше уповала на защиту Камня и то, что лично ей ни с кем рубиться не придется.

Снаряженная должным образом, Долиана взобралась в седло, заняв место позади Эскена. Рейе, сам себя возведший в звание телохранителя предводительницы Рокода, пристроился слева. Медлительно распахнулись тяжелые, потемневшие от времени ворота Демсварта, и отряд, выстроившийся в длинную колонну по двое, поспешно двинулся вниз по размокшей от дождей и тающего снега дороге. Для обороны замка пришлось пожертвовать пятью десятками воинов, чрезвычайно недовольных тем, что им не удастся принять участие в сражении.

Скакавший впереди оруженосец Клеве развернул грузно хлопнувший на ветру штандарт, где поверх традиционных немедийских цветов, черного, белого и красного, сияла белая крылатая звезда.

Осколок Четвертый: Ловушка.

Окрестности замка Демсварт.

**Около десятого послеполуночного колокола
26 дня Второй весенней луны.**

До подножия Демсвартской скалы отряд добрался благополучно: никто не отстал и не заполучил в бок случайную стрелу. Пересекли хлипкого вида деревянный мост над раздувшимся грязным ручьем, впадавшим в Нумалию. Справа поднялся склон осаждаемого холма, на вершине которого укрепились мятежники, но Эскен, внезапно покинув проселок, отвел всадников ближе к Закату, описывая большую дугу и обходя армию Тараска с тыла. Дана бросила взгляд наверх, беззвучно ахнув: вдоль оборонительного круга повозок грохочущими приливами и отливами непрерывно накатывали волны атакующих. Она не могла сообразить, на чьей стороне перевес, и на миг ей показалось, будто пехота Тараска прорвала оборону, ворвавшись внутрь укреплений.

– Мятежники отлично держатся! – Рейе ободряюще махнул племяннице рукой и неожиданно сделал длинный, даже сейчас не лишенный изящества, выпад, достав кончиком меча невовремя оказавшегося на его пути вражеского щитника.

«Это хорошо, – подумала Долиана Эрде, больше занятая тем, как удержаться в седле несущегося неровной рысью коня и усилиями не терять мысленной общности с Талисманом. – Это просто замечательно, что Ольтен держится, но куда же несет нас?»

Сильнейший, неизвестно откуда взявшийся порыв холодного ветра хлестнул ее слева. Девушка едва не потеряла стремя и панически завертела головой по сторонам, выискивая источник опасности.

Вокруг расстилалась перекопанная прошедшими по ней легионами равнина с выбоинами, полными грязной воды. Там и сям виднеются темные холмики – трупы воинов, которым не суждено вернуться из-под Демсварта. Приблизительно в трех перестрелах Дана заметила неведомо откуда выскочивший большой отряд под стягом с драконом Немедии, вроде бы устремляющийся на подмогу осаждающим. Эскен Клеве рассчитывал на суматоху и быстроту отдохнувших лошадей, надеясь проскользнуть незамеченным, но ему не повезло. Как раз сейчас эта часть равнины оказалась пустынной и открытой всем взглядам.

Второй удар со всей неопровержимостью доказал Долиане Эрде, что мастерство частенько берет верх над неразумной силой. Замыкающих цепочку кавалеристов Клеве буквально размазало по мокрой земле, а она ничего не успела предпринять. Только смотрела, холодея и понимая: она опять допустила промах! Забыла о необходимости следить за ксальтоуном! Теперь ей придется расплачиваться, ибо маг со своей охраной оказался непозволительно близко от ее соратников, и вряд ли позволит им безнаказанно проскочить мимо.

– Эскен! Эскен, гони! – Дана обрела голос и завизжала так, что привычный ко всему боевой конь недовольно всхрап-

нул. – Там ксальтоун! Уходим! Бежим!

Хвала богам, сколько их ни есть, ее услышали. Клеве поднял отряд в галоп, пытаясь как можно быстрее проскочить опасную низину и приблизиться к склону холма, где у всадников имелся шанс смешаться с другими сражающимися и, может быть, укрыться в лагере Ольтена.

Ксальтоун, разумеется, не собирался упускать драгоценную добычу, которая по неосторожности сама шла ему в руки. Оглянувшись через плечо, Дана заметила, что большая часть сопровождавших мага верховых бросилась в погоню за людьми Эскена. Прочие рассыпались по равнине: кто помчался к лагерю Тараска, наверняка за помощью, кто – к охваченной битвой возвышенности.

Попытка на скаку обратиться к помощи магии Камня оказалась сравнительно успешной. Девушка вовремя перехватила направленный на отряд вихрь, отшвырнув его в сторону и удачно направив в сторону появившейся справа и нацеливавшейся на перехват беглецов конной полусотни. Следующим подарком ксальтоуна стала разжижающаяся грязь, в которой немедленно увязли лошади. С досадным изменением почвы Дана управилась, зато вспыхнувший на высоте десятка локтей огненный шар пропустила, отчего два десятка всадников превратились в живые факелы, выбыв из боя.

Безжалостно нахлестывая коня, Дана поравнялась с Эскеном.

– Нас заметили! – Клеве ткнул в сторону холма. Девушка

не поняла, отчего барон Эскен вывел такое умозаключение, просто глянула в указанном направлении. Там по-прежнему царило столпотворение, однако она заметила, что накал сражения переместился ниже по склону, а число немедийских вымпелов с оскаленной драконьей головой значительно уменьшилось. Неужели Ольтену удалось отбросить тяжелую пехоту Тараска? – Добраться бы до подножия холма, а там мы спасены!

Долиана ничего не ответила, положившись на воинский опыт фон Клеве. На какое-то время окружающий ее мир превратился в непрерывный обмен колдовскими ударами с магом, от которых у нее звенело в голове, а в крови возникали обжигающе холодные льдинки. Бдевшая часть разума герцогини Эрде-младшей отметила, что изрядно поредевший отряд, численность коего теперь составляла не более полусотни человек, больше не скачет по прямой, а совершает быстрые повороты то вправо, то влево, пытаясь избежать столкновений с нападающими со всех сторон противниками, и вместо того, чтобы приближаться к лагерю мятежников, напротив, отдаляется от него.

– Рейе! – гуль, азартно пластавший длинным спадоном направо и налево, расслышал племянницу и пробился ближе. – Рейе, почему мы петляем?

– Потому что угодили в мешок, – Рейениру, несмотря на пресловутую гульскую ловкость, изрядно досталось – вражеское копьё удачно ткнуло его в бок, разодрав доспех. – Сда-

ется мне, Дана, поблизости шляется некто, желающий заполучить тебя и твое сокровище. Держись поблизости и не отставай, рискнем пробиться...

Рейе пнул усталого коня, направив его в сторону быстро сужающегося выхода из окружения. Послушно следовавшая за ним Долиана вытащила меч из ножен, бросила взгляд по сторонам, убедившись, что дядюшка прав. Отряд из Демсварта намертво увяз в стремительно растущей толпе пеших щитников и тяжелых рыцарей, среди которых преобладали воины, носившие на плащах странный герб – летучая мышь серого цвета.

Дане уже приходилось встречать этот символ раньше. Любимое и опасное детище ее отца, «Летучие мыши», гвардия Вертрауэна! Откуда они здесь? Или... Или они караулили ее? Поджидали, пока она сама примчится к ним в руки?

Что-то звонко щелкнуло в ее голове. Кусочки головоломки встали на свои места. Ловушка. Простая и незамысловатая западня. Кусочек сыра – гонец с известием о якобы сломанной обороне Ольтена. Глупая мышка – она сама. Подлинная добыча – Каримэнон. Кто наживил приманку – догадаться нетрудно.

Она попыталась ударить Огненным Копьем, заклинанием, получавшимся у нее наиболее действенным. Горящие капли брызнули во все стороны, равно поражая сторонников и противников. Через миг ее жалкие усилия захлебнулись, подавленные умелыми действиями ксальтоуна. Оставалось только

сражаться обычным оружием, подобно тем, кто последовал за ней на верную смерть.

Всадники Клеве гибли один за другим. Долиана успела увидеть, как никнет подрубленное древко стяга с белой звездой, как вскидывается на дыбы и грузно заваливается набок конь Эскена, увлекая за собой хозяина... Откуда-то высунулось длинное жало копья, девушка наотмашь рубанула по нему клинком, рукоять провернулась и едва не выскочила из ладони. Острие копья задело конскую шею. Темная шерсть скакуна немедленно окрасилась в бурый цвет и стала липкой. Конь заскакал боком, не слушаясь поводыев и пошатываясь.

Расстановка сил возле осаждаемого холма в корне изменилась. Воины Тараска отступали, мятежники отбросили их от укрепления и гнали вниз по склону. На мгновение Дана решила, будто различает в людском водовороте движущийся к ней белый плащ Ольтена, но, скорее всего, она пыталась обмануть сама себя. У принца должно хватить сообразительности не предпринимать вылазку, ввязываясь в бой с заведомо превосходящими силами, тем более – с отрядом непобедимых Летучих Мышей, ради призрачной надежды спасти угодившую в ловушку кавалерию и магичку-неудачницу. На ком, спрашивается, лежит вина за гибель засадного отряда из Демсварта? Верно, на ней, Долиане Эрде! Она могла приказать Эскену не трогаться из крепости, но вместо этого сама поскакала в первых рядах! Зачем? Ради чего?

Сквозь царивший вокруг грохот, скрежет сшибающего-

ся оружия и тоскливое конское ржание пробился отчетливо слышанный Даной приказ, выкрикнутый смутно знакомым голосом – низким и повелительным:

– Девчонку взять живой! Слышите, живой!

«Ксальтоун, – равнодушно подумала Долиана Эрде. – Вот и конец. Если меня схватят, Ольтену не победить. Меня непременно схватят, раньше или позже. Я проиграла. До чего нелепо...»

Прикрывавший ее слева всадник вдруг беззвучно вскрикнул, резко дернувшись назад и мешком свалился с лошади. Дана не успела заметить, что произошло, просто явившийся из неведомых краев сородич, Рейенир Морадо да Кадена, только что был рядом с ней, а теперь его не стало. Спустя миг нечто тяжелое дважды ударило ее саму, надсадно лязгнув по чеканному металлу доспеха. Одна из арбалетных стрел соскользнула и прошла мимо, вторая чиркнула по незащищенному правому предплечью, с легкостью прорвав толстую кожаную куртку и выдрав изрядный клочок плоти. Дана уронила меч, зарывшийся в землю, недоумевая, отчего правая рука мгновенно стала тяжелой и горячей.

Окончательно выбившийся из сил конь осел на задние ноги и, хрипя, тяжеловесно рухнул. Дана успела бросить стремяна и покатилась по хлюпающей грязи, не осознавая, что пронзительно кричит. От боли, разочарования, злости, ненависти и неутоленной жажды мести.

Далеко-далеко, за толпой окруживших ее врагов, кто-то

надсадно и тревожно звал: «Дана! Долиана Эрде! Дана, где ты?!»

Она сумела подняться, утвердившись на одном колене. Не ведавшие страха Летучие Мыши почему-то опасались приближаться – толкающееся, вонючее, безликое месиво, пялившееся на нее тысячей лишенных разума глаз, закованное в железо, держалось шагах в пяти, образовав тесный, колеблющийся круг. Через него, словно корабль по бурному морю, безжалостно прокладывал себе путь конный отряд, возглавляемый высоким человеком в потускневших от пыли, некогда ярко-алых одеждах. Дана без труда узнала его: надменно вскинутая голова, наголо выбритая по обычаю стигийских волшебников, лицо с жесткими чертами и неожиданно ярко блестящие на солнце тяжелые серебряные серьги.

Ксальтоун Менхотеп шел, дабы завладеть своей добычей – драгоценным Талисманом.

Правая рука висела плетью, но левая действовала. Герцогиня Эрде-младшая вцепилась в висевший на шее Камень, рванула из последних отчаянных сил, мимолетно поразившись тому, как ей удалось одолеть толстую золотую цепочку и продетый сквозь нее кожаный шнур. Каримэнон лежал у нее в ладони, холодный, блистающий тысячами граней, совершенный, как мечта безумца.

– Остановите ее! Стреляйте! – ксальтоуна и Дану разделяло не больше десяти локтей, но, чтобы преодолеть это малое расстояние, следовало прорваться сквозь плотный люд-

ской строй. Кто-то вскинул арбалет, скрипнул поворотный рычаг, однако щелчка не последовало. Духу не хватило или побоялся?

– Цена, – невнятно пробормотала Долиана. Осторожно подняла тяжелый Камень, провела им по правому рукаву, ставшему влажным от крови. Талисман, вместо того, чтобы испачкаться и помутнеть, засверкал еще ярче. Маг не получит его. Никто не станет обладателем Каримэнона, никто не уйдет с этой равнины. Такое уже случалось. Она помнила. Нужно только заплатить. Ей известны древние слова, способные разбудить подлинную мощь, дремлющую в Камне. Наплевать, что будет потом. Кровь за кровь, жизнь за жизнь. Неважно, умрет она сегодня или нет.

– Власть над стихиями бури – во мне. Вечная жажда подземного мира, холод и пламя – мои. Придите! Я указываю вам путь!

– Прекрати! – даже не закричал, бешено завыл ксальтоун. Столпившиеся вокруг Даны Эрде воины из «Летучих мышей» вовремя сообразили, что вот-вот стрясется нечто ужасное и начали пятиться, закрывая дорогу волшебнику в алом. – Ты не понимаешь, что творишь!

«Ты не понимаешь, не понимаешь! Ты убиваешь не только себя, но и этот мир! – в уставшем и гаснувшем рассудке Даны тревожно забились чужие, незнакомые голоса. – Остановись, пока еще не поздно!»

– Силою жизни своей и властью Камня призываю Сущих.

Кровь, пролившись, станет ценою... Двери открыты...

Ее отшвырнуло в сторону, с размаху припечатав о влажно чавкнувшую глину. В плече противно хрустнуло – должно быть, сломалась ключица. Камень Дана не выпустила, вцепившись в него так, что пальцы намертво вдавились в острые грани и смяли золотую оправу. Она лежала на спине, постепенно теряя сознание, не слыша, как над полем битвы прокатывается нарастающий пронзительный вой – торжествующий и ужасающий, не видя, как трескается разбитая ею хрупкая грань между Зримым и Незримым мирами, сквозь которую на свободу рвется Нечто, чему положено навсегда пребывать в заточении, не понимая, что нарушенное ею Равновесие мира колеблется, сопротивляясь наступлению Хаоса.

Призрачные тени стремительно взмыли во внезапно потемневшее небо и рухнули вниз, на беззащитную добычу. Шелестящая корка синеватого инея расползлась по полю, сковывая землю, течение реки, упавших людей, бьющихся в агонии коней и торопливо настигая все живое. Битва затихла сама собой, превращаясь в повальное бегство.

Осколок Пятый: Поражение.

27 день Второй весенней луны.

Кто-то бесцеремонно и резко дергал ее за плечо, пробуждая от темного забытья. Рядом громко разговаривали, топа-

ли, лязгали доспехами. Навалившаяся на ноги неподъемная тяжесть вдруг перекатилась куда-то вбок и пропала. Скрипнул нож, разрезая сначала ремешки на кирасе, затем – пропитавшийся кровью и отвердевший правый рукав.

– Она? Или нет?

– Конечно, она. Других-то девиц на поле боя не околачивалось. И место вроде то самое.

– Дышит? С виду на покойницу смахивает.

– Не, живая. Подраненная, а так – цела.

«Кто я? Почему холодно?»

Чьи-то руки небрежно перетягивают раненое предплечье, заодно проворно обшаривая карманы. Быстрые, настойчивые рывки – кто-то пытается содрать с пальца золотое кольцо, однако перстень сидит слишком плотно, и грабитель отступает, удовлетворившись найденным на поясе кошельком.

«Меня зовут Дана. Я умерла».

Глухие удары приближающихся копыт. Низкий раздраженный голос, привыкший отдавать распоряжения, отрывисто бросает:

– Нашли?

– Извольте видеть, ваша милость! – бодро откликаются незнакомцы.

– Покажите, – требует всадник и спрыгивает с лошади.

Суетливая возня. Вытащенную из-под трупов добычу удастся с горем пополам поставить на подкашивающиеся ноги. Ее удерживают с двух сторон, пока ксальтоун Менхотеп

(а прибыл именно он) разглядывает проигравшую соперницу. Девчонка шатается взад-вперед, подавая слабые признаки жизни. Маг вытягивает руку, брезгливо поднимает голову девушки за подбородок, смотрит на посиневшее от холода, выцветшее лицо в потеках крови и грязи.

– Где Камень? – тихо спрашивает маг. Как ни странно, девчонка слышит его вопрос и с трудом приоткрывает бессмысленные глаза. – Где Каримэнон? Куда ты его дела?

Бесполезно. Дана Эрде вновь теряет сознание.

– Тащите к повозке, – распоряжается ксальтоун. Оглядывается, жестом подзывает начальника своей охраны, приказывая: – Живую цепь на сотню шагов вокруг. Никого не подпускать. Перекопать все. Она не могла никому передать Камень, значит, он должен быть где-то здесь! Ищите!

Стражник отдает честь на немедийский манер и бежит к ждущему в отдалении конному отряду. Бежит мимо огромной ямы, шагов пятидесяти в поперечнике, уходящей глубоко в недра земли. На краю этой бездны на следующее утро после битвы обнаружили полумертвую Долиану Эрде. Гвардейцу даже думать не хочется о том, что драгоценный Альый Камень, столь необходимый Его величеству Тараску и его придворному магу, мог скатиться на дно жуткого провала. Гвардейцу вообще не хочется ни о чем думать. Битва выиграна, что еще? Он, подобно уцелевшим участникам сражения при Демсварте, постарается как можно скорее забыть и столб фиолетового огня, пронзавший облака, и сотканых

из пламени и льда безжалостных призраков. Об этой битве не сложат легенд, а если сложат, то будут рассказывать их украдкой, оглядываясь через плечо. Людям не годится видеть и знать такие вещи. Лучше прогнать пугающие воспоминания из памяти. Как можно скорее.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Из дневника Халька Юсдаля – I «Тени над холмами»

**Окрестности замка Демсварт, Немедия.
Около десятого послеполуночного колокола
26 дня Второй весенней луны.**

Стремление лично свидетельствовать интересные, пусть и опасные события однажды сыграет со мной дурную шутку. Никогда еще на долю летописца при дворе правителя не выпадало столько головокружительных передраг и грозящих смертельным исходом приключений, как на мою за шесть кратких лет правления Конана Канаха. Все потому, что проклятое любопытство настойчиво толкает под руку, шепча: «В прошлый раз обошлось? Значит, в этот тоже обойдется!». Опять и опять я позволяю внутренним голосам себя убедить и оказываюсь в пекле очередной заварушки прежде, чем понимаю, во что, собственно, изволили влипнуть Его Величество король Аквилонии вкупе с преданными единомышленниками.

Мнение высшего обществ Тарантии по поводу моей скромной персоны разделилось. Одни считают меня настырным карьеристом, другие полагают человеком, на редкость

преданным своему сюзеру и ремеслу хрониста.

Обе партии заблуждаются. Как я уже сказал, я слишком любознателен, чтобы узнавать подробности из вторых рук, и слишком медленно соображаю, чтобы вовремя заявить: «Нет, я в этом не участвую!».

Конечно, такой подход имеет определенные выгоды. Король не забывает поощрять тех, кто делит с ним невзгоды и радости новой авантюры, и, пусть мое жалование не слишком велико, однако ступенька занимаемой мной должностной лестницы становится выше и выше. Вдобавок, когда и если я доживу до почетной отставки, сохранившихся в дневниках воспоминаний, историй и невероятных случаев хватит для создания нескольких десятков томов меморий, позволяющих сохранить имя барона Халька Юсдаля из Гандерланда не только для потомства, но и для истории. Ибо, в чем вынужден признаться, к славе подобного рода я равнодушен...

Однако в день сражения под Демсвартом я почти поверил, что мирная обеспеченная старость мне не суждена.

Когда Конан во всеуслышание рявкнул, что отправляется на поле боя, спасти Долиану Эрде, и плевать ему на нарушение любых договоров, стало понятно: отговорить короля от его безумного замысла невозможно. То, что вместе с варваром возжелали идти молодые оборотни Пограничья и Альбиорикс Бритунийский, меня ничуть не удивило – этой компании только дай малейшую возможность про-

явить себя героями! Все ясно и с Дженной Сольскель, наверняка воображающей себя воительницей наподобие легендарной Тархезы из Кофа, а заодно мечтающей произвести неизгладимое впечатление на Конана. Понятно, зачем необходимо присутствие Тотланта: как обойтись без волшебника, если небо и землю над замком полосуют колдовские молнии, а последствия примененных заклинаний видны неискушенным глазом? С горем пополам я мог даже объяснить желание присоединиться к отряду заморийского протектора Аластора Кайлиени, каковой является человеческим воплощением Бела-Обманщика – он имел ко всей этой неразберихе какой-то свой, особенный интерес...

Но я-то зачем встрял?

Вопрос запоздал – мы уже неслись головокружительным галопом вниз по склону холма, и меня волновала только одна забота: не свернуть бы шею, если моему коню подвернется под ноги колдобина.

Конан вел нас в обход кипевшей у подножия холма схватки между маленьким отрядом Долианы Эрде, выскочившим из-за стен Десмварта, и загонявшими ее в искусно сотканный мешок «Летучими мышами». Добавим к этому сползающую вниз по склону круговерть королевской гвардии, бесславно откатывающуюся от оставшихся неприступными палисадников армии Рокода, и собственно мятежников, гнавших своих противников вниз, в долину. В кипящем смолой котле, наверное, спокойнее и прохладнее, нежели на холми-

стых возвышенностях у скромного замка Демсварт. Над головами у нас постоянно гроыхало, завывало, разлеталось сверкающими огненными брызгами – Дана Эрде и ксальтоун наглядно доказывали друг другу и всему свету, кто из них лучше колдует. Вопли, лязг, ржание лошадей, хлопанье арбалетных тетив и щелчки: звонкие, когда болт попадал в доспех, и смачные, хлюпкие, означающие, что очередному бедолаге не суждено вернуться с равнины у реки Нумалии.

Я старался держаться поближе к оборотням, но мои благие намерения скоро пошли прахом: Эртель пропал в сутолке боя, Веллана вместе с десятком бритунийцев, сопровождавших Альбиорикса, оттеснили вниз по дороге к деревушке Алгиз. Последнее, что я заметил – огромного гнедого жеребца короля Бритунии, встающего на дыбы, и окруживших его легионеров Тараска. Мимо промчался Тотлант, еле удерживавшийся в седле и упрямо пытавшийся сотворить боевое заклинание. Во всяком случае, я видел тонкие синеватые молнии, с сухим треском сыпавшиеся на головы немедийцев. Где-то впереди крушил черепа оказавшийся в своей стихии Конан: длинное серебристое лезвие его меча поднималось и опускалось с неутомимостью и упорством молотильного цепа в разгар жатвы.

Трехцветное знамя с белой звездой, к которому мы пытались прорваться, качнулось и упало. Я отстраненно подумал, что в этой сумятице невозможно отыскать одного-единственного человека и что, скорее всего, Долиане настал ко-

нец. Возможно, она находилась совсем рядом с нами, но как ее найти? Конан упорно выкликал имя наследницы Эрде во всю немалую мощь своего голоса, умудряясь перекрывать шум царившей вокруг схватки, но никто не отзывался. Или отзывался, только мы не слышали.

Тут случилось нечто, заставившее меня напрочь забыть о спасении Даны Эрде.

Копье с трехлапым крюком на конце поймало меня за наплечник доспеха. Второе угрожающе покачивалось у самой морды лошади, грозя вот-вот зацепиться за ремни упряжи. Я заорал так, что, наверное, услышали в находившейся за двадцать лиг Нумалии – не обращаясь за помощью, просто в надежде подбодрить самого себя. Меньше всего хотелось быть вытащенным из седла и приконченным либо же затоптанным взбесившимися лошадьми.

Одно древко я перерубил, заодно отправив его носителя в край, где заканчиваются земные пути. Наплечник, хрустнув и заскрежетав, оторвался, шальная стрела злорадно клюнула лошадь в круп, отчего бедное животное немедленно взвилось и пронзительно завизжало. В гонявшихся за мной пехотинцев с гербами Немедии неожиданно врезалась долговязая гнедая кобыла, несшая на себе всадника в кольчатом доспехе. Всадник, бросив поводья, лихо орудовал нордхеймским клинком, выглядевшим из-за плавного скругления лезвия слегка кургузым. Хвост темных волос, бившийся под краем открытого шлема, выдавал девицу Сольскель, и она, по-моему, получа-

ла истинное удовольствие от происходящего.

Надо отдать ей должное – Дженна ничуть не преувеличивала и не хвастала, утверждая, будто умеет неплохо обращаться с мечом и не боится опасностей... Она отогнала моих противников, и, прикрывая друг друга, мы сумели выбрать-ся на пяточок относительно свободного пространства, чтобы оглядеться, соображая, каких новых бед опасаться.

– Эт-то еще что такое? – озадаченно процедила Зенобия. Я понял, что она имела в виду: шагах в двадцати от нас образовалось странное людское скопление, вроде огромного, разбухающего круга. Со стороны осаждаемого холма к этой толпе несся конный отряд под знаменем крылатой звезды, возглавляемый рыцарем в белом плаще, теперь более смахивающем на грязную тряпку. Туда же, к людскому кольцу, устремлялись всадники, сопровождавшие человека высокого роста в издалека заметной хламиде ярко-красного цвета.

– Ксальтоун, – холодеющим голосом выдавил я и внезапно сообразил: – Там, в кругу – Дана! Ее поймали! Он идет за ней!

Дженна бросила на меня хмурый взгляд, отлично понимая – мы не можем ничего поделать. Разве что атаковать колдуна в алом и героически пасть.

Неподалеку из мешанины яростно сражающихся людей и лошадей выметнулся рыжий конь, скакавший неуклюжим кособоким галопом. Всадник – непокрытая черноволосая голова, узкий клинок, тусклой иглой блестевший на солнце –

мчался, выкрикивая что-то, неслышное в шуме битвы.

– Альс?.. – моя спутница привстала на стременах.

– Уходите! Уходите быстрее! – донеслось до нас.

– Бежим, – отчетливо произнесла Дженна и пнула кобылу так, что в брюхе несчастного животного отчетливо екнуло. – Потом выясним, трусы мы или разумные люди. Эрде-младшая и ксальтоун сейчас начнут рвать друг другу глотки.

Гнедая лошадь Дженны, отчаянно стараясь идти галопом, скользила в грязи, постепенно разгоняясь. Мой жеребец пытался следовать за ней, но хромал из-за застрявшей в крупной стреле. Зенобия опережала меня почти на длину лучного перестрела, когда земля у нас под ногами дрогнула, а небеса разверзлись.

Может, на самом деле они не разверзались, но прозвучавший ужасающий тонкий вой наводил на мысль о том, что некое огромное и злобное создание прорвало небесную сферу и теперь стремительно падает на землю...

Конь подо мной шатнулся, передние ноги у него подломились. Мимо бежали люди – легионеры Тараска вперемешку с мятежниками. Я понимал, что нужно убираться отсюда, прятаться, но не выдержал искушения и оглянулся.

От земли к небу тянулся стремительно вращающийся столп бледно-сиреневого цвета, похожий на песчаную бурю туранских степей. Он тяжеломерно колыхался, поднимаясь выше, заслоняя утреннее солнце и обращая разгоравшийся день в свинцово-серую полночь. Над равниной кружил хо-

лодный ветер, жидкая грязь на глазах замерзала комьями льда, где-то рядом надрывно ржала смертельно раненая лошадь... Боги всемогущие, какое жуткое колдовство рвется на свободу? Что за силы пущены в ход и чем это закончится?

Я бессмысленно таранился на устрашающе-прекрасный лиловый смерч, не замечая, что прямо на меня летит, надсадно бухая копытами по застывшей почве, вороной конь в богатой сбруе с немедийскими драконами.

Из оцепенения меня вывел пронзительный вопль: «Дай руку!».

Никогда не подозревал, что способен с такой ловкостью взобраться на лошадь. Оказавшись на ее спине, я намертво вцепился в высокую луку седла и в подвернувшийся ремень упряжи. Всадник (я даже не успел понять, кто это) заулюлюкал, и мы понеслись через холмы в сторону реки – вместе с тысячами других несчастных, явившихся к Демсварту и запоздало пытающихся спастись.

Позади нас разрастался звенящий шорох, вроде как от струящейся и играющей сухими снежинками поземки. Равнина и небо над ней приобрели блеклый сиреневый оттенок, и краем глаза я заметил, как нас обогнал... обогнало... В общем, Оно походило на клочок сизоватого болотного тумана, гонимый сильным ветром. Облачко коснулось лихорадочно карабкавшегося по склону пригорка гвардейца в немедийском доспехе, вспыхнуло серебряно-зеленоватым переливом и скользнуло дальше, оставив позади рассыпавшийся пеп-

лом и ржавчиной человеческий костяк.

«Не оборачивайся», – приказал я себе, уже рисуя в воображении сотни и тысячи легких туманных созданий, беспрепятственно разлетающихся из Демсвартской долины на все восемь сторон света.

Вороной конь, с безумным усердием мерявший покрытую ледяной коркой землю, внезапно сбился с такта, дернул шей и на полном скаку рухнул в какую-то промоину. Я не сумел даже вскрикнуть – от удара весь воздух из отшибленных легких застрял в горле тугим комком. Бело-лиловый, чуть светившийся в неожиданных сумерках обрывок тумана, проплыл надо мной, ласково взъерошив стриженую гриву пытавшегося вскочить на ноги коня. Животное беспомощно захрипело, задергалось, но спустя миг от него осталась только иссохшая, сморщенная шкура с косо сидящим седлом.

– Не шевелись, – еле слышно произнесли рядом. – Постарайся ни о чем не думать. Если хочешь уцелеть – не двигайся.

Наконец-то я догадался взглянуть на человека, пытавшегося спасти месьора королевского летописца, и наткнулся на холодный взгляд черных глаз с золотыми искрами. Рейенир Морадо да Кадена собственной персоной – в разодранной на боку кольчуге, чье переплетение колец окрашено темными пятнами. Некогда безукоризненная шевелюра растрепалась, тонкие губы задраны, как у рычащей собаки, четыре тонких клыка поблескивают, придавая аристократическому

лицу уроженца Рабиров выражение готового вот-вот напасть зверя. Неудивительно, что про гулей складывают жуткие истории...

Переспрашивать, дотошно выясняя, какая магическая дрянь гуляет по Демсвартским холмам, я не стал. Послушно ткнулся в схваченную колдовской изморозью жухлую прошлогоднюю траву, зажмурился, и, следуя данному приказу, постарался ни о чем не думать. Краем уха я слышал, как Рейе непрерывно бормочет что-то на своем наречии. С равным успехом это могли быть как гульские проклятия, так и молитва. Если молитва, то мне безразлично, к кому она обращена. Хоть к Роте-Всаднику. Только пусть небесный покровитель Рейе и его сородичей проявит милость и защитит нас!

Около одиннадцатого послеполуночного колокола 26 дня Второй весенней луны.

Мне казалось, что я лежу на мерзлой, кочковатой земле целую вечность. Я настолько устал бояться и вздрагивать от шелестящего свиста призрачных порождений колдовского сиреневого огня, что отважился приподнять голову и посмотреть, как обстоят дела.

В глаза ударил показавшийся до рези ярким солнечный свет. Обычный, желтоватый, наполненный мягким весенним теплом.

Неужели все кончилось? Но как? Почему? Кого мы долж-

ны благодарить за избавление?

Я попытался сесть, обнаружив, что внезапно сковавший равнину мороз не пощадил сукно моих штанов и плащ, приморозив их к земле.

Гуль не шевелился. Лежал, свернувшись, и глуховато постанывал. Рядом с ним образовалась розовая, подернутая тонким ледком лужица. Вампир, истекающий кровью – неплохая метафора, будь она встречена в каком-нибудь модном сочинении... Но Рейенир-то в самом деле может умереть!

– Рейе, – я добрался до неподвижной фигуры, осторожно потрепал ее за плечо. – Рейе, что с тобой? Ты меня слышишь?

– Бо-ольно... – хрипло донеслось в ответ. – Жжет...

Мои познания в лекарстве не слишком велики, однако мою пользу можно сказать: обучался я не по трактатам, а на собственном опыте и наблюдая за действиями моих друзей в схожих переделках.

Опыт подсказывал – на стороннюю помощь можно не рассчитывать, для начала надо стянуть с Рейе порванную кольчугу и перевязать рану все равно чем, лишь бы остановить кровь. Вряд ли мне удастся поймать лошадь, побредем пешком. Будем надеяться, что уцелеть посчастливилось не только нам.

Идти Рейе смог – на собственном упрямстве и при моей поддержке. Острие копья, проехавшись по его ребрам, оста-

вило на них хорошую памятку, нуждавшуюся в помощи целителя поискуснее меня. Глянув, какую награду за стремление поддержать племянницу он заработал, гуль раздраженно оскалился.

Оскальзываясь и спотыкаясь, мы выбрались на припорошенную тающим снегом вершину и огляделись.

Похоже, вороной конь безвестного немедийского легата спас нам жизнь. Он доскакал почти до подножия Посольского холма, вынеся нас за пределы разоренной и погубленной Тенями области. Можно было без труда проследить их путь – вырвавшись из огромной ямины, над которой посейчас курился легкий дымок, призраки распространялись, словно круги от брошенного воду камня, уничтожая все живое на своем пути, пока некая сила не заставила их вернуться обратно. Равнину усеивало неисчислимое множество грязно-багровых пятен, кровавых ошметков, разбросанных повсюду искореженных доспехов и мгновенно заржавевшего оружия. Замок Демсварт как-то странно накренился в сторону реки, лишившись четырех из своих семи башен. Что творится на холме, занятом мятежниками, я разглядеть не сумел, но заметил неуверенно движущиеся по полю черные силуэты оставшихся в живых. Сначала я обрадовался, но спустя миг почувствовал изматывающую душу тяжесть неизвестности. Что с Конаном и его отрядом, что с остававшимися в лагере Чабелой, Просперо и Эрхардом? Что с Даной Эрде и Ольтеном, в конце концов?

– Вот так оживают страшные легенды, – Рейе надсадно закашлялся. – Я читал предания о таких созданиях. Хемгайни, пожиратели душ, обитатели Бездны, порождения Огня и Льда... Маги древних времен, и те боялись прибегать к их помощи – Хемгайни почти никому не подчиняются. У кого хватило ума воззвать к ним?

– Однако их прогнали, – напомнил я. – Как думаешь, Дана уцелела?

– С нее станется... – вымученно хмыкнул гуль. Я понял, что Рейе с трудом верит собственным словам. Невозможно представить, чтобы кто-нибудь пережил разгул магии, призванной Даной и ксальтоуном. Провал в земле, как мне показалось, располагался точнехонько в том месте, где находилась наследница Эрде. Сколь бы могущественна она не была и какие Силы ее не хранили, вряд ли ей удалось противостоять белесым туманным существам... Но и Менхотепу наверняка не удалось бежать с поля боя!

Подумав, я решил, что не стоит торопиться с соболезнаваниями. Эрде-младшая, как мы уже убедились, наловчилась водить Нергала за нос и ловко избегать приуготовленного смертным пути к Серым Равнинам.

Отдохнув, мы поковыляли дальше – к Посольскому холму.

Выстроенная из опрокинутых фургонов полевая крепость почти не пострадала, чего нельзя сказать об оборонявших ее гвардейцах Зингары и Хаурана. Рейе, оценив свои силы, за-

явил, что перебраться через заградительное кольцо не сумеет, и присел на днище валявшейся вверх колесами повозки. Даже не будучи лекарем, я понимал, что с каждым мигом ему становится хуже. Гуль нетвердо держался на ногах и почти не разговаривал. Он безучастно кивнул, когда я сказал, что наведуясь в лагерь – может, отыщу что-нибудь полезное. Бинты, флягу с вином или хотя бы теплые плащи.

Протиснуться между боками фургонов мне не удалось, пришлось вскарабкаться по осям и спрыгнуть с другой стороны. Посольское владение пустовало: накренившиеся палатки, разметанные останки жертв призрачных Теней да погасшие кострища. Я сунулся в голубой шатер Чабелы и наскоро обшарил пару сундуков, став счастливым обладателем необходимых нам с Рейе вещей. Интересно, куда пропала сама королева Зингары и прочие блистательные особы? Должно быть, почуяв неладное, разумно удалились. Хотел бы я на это надеяться, ведь в противном случае большая часть стран Заката единым махом лишалась своих правителей!

Выбравшись из расшитого серебряными рыбками шатра, я бросил прощальный взгляд по сторонам и поспешил обратно, соображая, где искать помощи. Идти в замок бесполезно, вряд ли там осталась хоть одна живая душа. В Алгиз? Боюсь, Рейе свалится на полпути. Мне его не дотащить. Забраться в повозку, соорудить укрытие из одеял и ждать возвращения кого-нибудь из посольской свиты? Они наверняка вернутся – узнать, чем закончилось сражение при Демсварте.

В самом деле, чем оно закончилось?

– Подождите! Стойте!

Отчаянный вопль едва не вынудил меня уронить собранные трофеи. Я поспешно закрутил головой по сторонам, ища кричавшего, и заметил его шагах в двадцати.

Вернее, ее. Подобрав мешающие юбки, ко мне бежала какая-то женщина. Ветер трепал рыжеватые вьющиеся волосы и наброшенную на плечи незнакомки шаль. Впрочем, какая же это незнакомка! Это Цинтия! Цинтия Целлиг! Сегодня утром она так переживала из-за смерти Маэля Монброна, что ее не сумели успокоить и рабирийка Меланталь прибегла к заклятию сна. Мы оставили ее в палатке Монброна-старшего в полной уверенности, что ей ничего не грозит. Не знаю, куда подевался сам Райан и его приятельница Фриерра, но ясно одно – про баронессу Целлиг забыли!

Повезло же ей... Может, призраки сочли ее мертвой и потому не тронули?

Цинтия вцепилась в меня так, будто боялась, что я ей примерещился и сейчас исчезну. Она не плакала, только дрожала, еле слышно всхлипывая. Пришлось бросить занимавшее руки барахло, чтобы обнять ее.

– Где все? – с трудом выговорила она. – Я проснулась, увидела пустой лагерь и кровь повсюду...

– Похоже, в этой битве никто не победил, зато все пострадали, – отозвался я. – Барышня Цинтия, я очень рад тебя видеть, но под холмом сидит Рейе да Кадена, который вот-вот

распрошася со своей вампирской душой. Я должен как-то ему помочь.

Немедийка понятливо кивнула и принялась собирать упавшие вещи. Пока мы спускались по склону холма, я попытался рассказать ей, что произошло на равнине под Демсвартом. Она поежилась от ужаса и спросила, не знаю ли я о судьбе Даны. Я решил, что выдумывать куртуазные отговорки сейчас ни к чему и сказал правду: мы не знаем, но Рейенир склонен полагать, что его племянница погибла в вызванной ею или ксальтоуном магической буре. Цинтия возражала, и в душе я соглашался с ней. Обладательница Каримэона не могла позволить так запросто расправиться с собой!

Внизу нас поджидали неожиданности – как плохие, так и приятные.

Плохие: душевные и телесные силы гуля иссякли. Он съехался возле днища повозки и даже не поднял головы при звуке наших шагов. Зато рядом с ним сидела, пытаюсь согреть, крупная остроухая собака светлой масти. Увидев нас, она обрадованно взвизгнула и поскакала навстречу, держа правую переднюю лапу на весу.

– Ты почему перекинулся? – удивился я, догадавшись, что перед нами бешено виляет хвостом один из оборотней Пограничья, но не зная, который именно – Веллан или Эртель. Их звериные половинки очень схожи, оба щеголяют густой белой шерстью, однако на морде этого волка блестели ярко-синие глаза. – Магия вынудила? Ты Велл, да? Что у тебя

с лапой стряслось?

Зверюга закивала, оттягивая кончики рта к ушам в своеобразной собачьей ухмылке и вывалив розовый язык. Обратни плохо переносят творимое поблизости колдовство, особенно такое могущественное, как разгулявшееся сегодня над Демсвартской равниной. Оно заставляет их возвращаться к животной сущности, что и произошло с капитаном порубежной стражи Пограничья, Велланом, сыном Арта. Лапу ему перерубил чей-то меч, однако зверь вроде не испытывал особых страданий. У них быстро все заживает. Через седмицу опять будет носиться на четырех. Интересно, ранения сохраняются у обоих ипостасей оборотня? Если Веллан превратится в человека, у него что, рука будет сломана?

Мы завернули Рейе в принесенные пледы и заставили выпить немного крепкого вина, плескавшегося в утащенной мной фляге. Цинтия ойкнула, углядев вдалеке бредущую лошадь, и оборотень, хромая, бросился ее догонять. Ему удалось поймать волочившиеся за конем поводья и привести животное к нам.

Общими усилиями мы с Цинтией подсадили слегка воспрянувшего духом гуля в седло, решив поехать в Алгиз. Оборотень внезапно заупрямился, зарычал, дергая барышню Целлиг за подол и настойчиво требуя следовать за ним. Мы переглянулись и согласились.

Веллан направился куда-то на Закат, вдоль русла реки. Мы одолели чуть больше лиги, и я уже начал подумывать,

как заставить оборотня объяснить, куда он нас ведет, когда впереди на холме показались всадники, в одном из которых я без колебаний узнал герцога Просперо, Пуантенского Леопарда.

Деревня Шордер, Немедия.

Поздний вечер 26 дня Второй весенней луны.

– Ничего мы толком не видели. Почти сразу, как Конан умчался спасать Эрде-младшую, Райан Монброн завопил – кому дорога жизнь, быстро в седла и вон из лагеря. Эрхард заикнулся спросить, чего он перепугался, но Монброн со своей приятельницей уже вскинулись на коней. Даже не стали ждать, пока растащат повозки, открывая им дорогу: сиганули через фургоны и поскакали прочь от замка. Я посмотрел им вслед и сказал, что магу наверняка виднее, когда настает пора спасаться без оглядки. К тому же над полем боя полыхнуло такой молнией, какую и в сильнейшую грозу не увидишь. Чабела только с сожалением глянула на свой шатер и махнула рукой...

– Сплетничаете, месьоры? – королева Зингары, в заляпанном грязью дорожном платье и слегка погнувшейся кирасе, подошла к нам и устало присела на край скамьи. – Налейте даме вина, что ли... Какие есть предложения?

– Ждать до утра, – высказался за нас обоих Просперо. Лежавший под столом белый волк поднял голову, оторвав-

шись от обглаживания украденной кости, и негромко заскулил. – Битва, насколько я понимаю, прекращена за отсутствием сражающихся.

– Если Тараск жив, его наверняка сочтут победителем, – Чабела осторожно отхлебнула принесенного нам вина и брезгливо скривилась. – Эта сиреневая призрачная мерзость будет завывать в моих кошмарах до конца жизни! Хотела бы я знать, на чьей совести их появление!

– Скажем, выяснится, что в живых остался не Тараск, а Ольтен или Долиана Эрде? – предположил я. – Что тогда?

– Я похлопочу, чтобы ее сделали немедийской королевой, – мрачно посулила зингарка. – У юной девицы незаурядные способности вертеть окружающими по своему усмотрению. Чего бы я сейчас не отдала, чтобы разобраться, как обстоят дела и куда, прах его подери, задевался Конан?

– Ночь на дворе, – напомнил я. – Ваше величество, бесполезно начинать поиски. Утром...

– Знаю, знаю, – Чабела уныло покачала головой, коротким взмахом руки поправив развившийся черный локон. – Отправляться посреди ночи на холмы – бесполезная и опасная затея. Вдруг хотя бы десяток призраков уцелел и ищет, кем бы поживиться?

– Слышали, как уже успели прозвать явление этой нечисти? – хмыкнув, осведомился Просперо. – Нисхождение Теней. Интересно, что они такое?

– Рейе называл их... – я зажмурился, припоминая ди-

ковинное словцо. – Хемгайни. Он сказал, их вызывают каким-то очень древним колдовством.

При упоминании имени Рейенира да Кадена Чабела словно бы невзначай покосилась в дальний угол полутемной комнаты с низким потолком, задернутый грязной тряпкой. Рейе устроили там, в самом тихом и теплом месте, какое удалось найти в захудалой деревушке Шордер. Заботу о нем взяли на себя Монброн-старший и госпожа Фриерра. Райан, недавно присоединявшийся к нам хлебнуть вина и узнать последние новости, утверждал, что гуль наверняка выживет. Чабела обрадовалась этому известию гораздо больше, чем полагалось бы. Нет, с обитателями Рабиров нужно срочно что-то предпринимать, иначе в скором будущем мы начнем обнаруживать их при каждом дворе Восхода и Заката, причем отнюдь не на последних местах!

Иштар Несравненная! А если Конан узнает, что давняя знакомая намеревается предпочесть ему какого-то гуля? Подобного скандала свет еще не видывал!

– Раз древнее колдовство, значит, ваших треклятых Хемгайни притащил сюда ксальтоун, – убежденно заявил Пуантенский Леопард. – Вопрос в том, кто и как прогнал их обратно?

– Хотите еще одну загадку без ответа? – присовокупил я. – Где сейчас пресловутый Алый Камень, из-за коего разгорелись страсти? Неужели остался валяться посреди равнины?

Чабела вымученно усмехнулась углом рта и взглянула в

затянутое мутным бычьим пузырем маленькое окно. Снаружи шел мелкий дождь, шуршавший по соломенной крыше, кое-где протекавшей.

Шордер – маленькое захолустное поселение лигах в двух от Демсварта – в отличие от Алгиза не мог даже похвалиться наличием постоянного двора или таверны. Столь внезапно нагрянувшим туда королям, королевам и их сопровождающим пришлось удовлетвориться весьма скромным ночлегом. Правительница Зингары, к примеру, вкупе с герцогом Пуантена и королем Пограничья, расположилась в доме деревенского старосты. Эрхард, заявив, что ему не привыкать, обосновался на конюшне, а мы сидели в самой большой комнате, напоминавшей по размерам помещению для хранения хозяйственной утвари в Тарантийском замке, и строили предположения касательно завтрашнего дня и будущего Немедии.

– Мало общего со слащавыми историями про государя в гостях у верноподданных пейзажей, правда? – грустно заметила Цинтия Целлиг. Я сумел выхлопотать ей местечко под покровительством госпожи Фланы, старшей фрейлины Чабелы, и мог не волноваться – Цинтия сейчас находится в доме по соседству и наверняка спит. Завтра утром подумаем, как ей поскорее вернуться в Бельверус, к родителям.

По единственной улице поселка громко захлюпали копыта. Должно быть, еще какие-то счастливцы, вовремя убравшиеся с равнины, искали место, где бы переждать ночь. Кони

миновали жилище старосты, затем внезапно остановились и направились обратно. Послышались спорящие голоса.

– Может, Альбиорикс объявился? – встрепнулся пуантенец. Чабела, задремавшая, положив голову на скрещенные руки, с величайшей неохотой приоткрыла один глаз и спросонья пробормотала:

– Объявите ему, что сегодня приема не будет...

Скрипнула открывающаяся дверь, кто-то зашел внутрь, немедленно споткнувшись в темноте сеней о жестяное ведро и раздраженно выругавшись.

– Это не Альбиорикс, – тоном человека, уверенного в своей правоте, сказал я. – Это Конан.

– Да? – Ее зингарское величество изволили проснуться. – А почему без доклада?

– Военное положение, моя госпожа, – донесся язвительный голос Райана Монброна. – Куртуазные расшаркивания временно отменяются.

Низкий дверной проем загородила массивная фигура, от которой явственно несло конским потом и вымокшей под дождем тканью. Человек нагнул голову, чтобы не врезаться в покосившуюся притолоку, и вошел, грузно рухнув на скрипнувшую лавку. Король Аквилонии выглядел озлобленным и порядком уставшим. Настолько, что даже стоявшие на столе кувшины и жалкая закуска не удостоились его внимания.

– Отвоевались, – буркнул он. – Пропади оно пропадом...

Мы благоразумно промолчали, решив не искушать судьбу

и не теребить киммерийца расспросами, пока он не придет в себя. Это произошло довольно скоро – Конан встряхнулся, отцепил насквозь мокрый и грязный плащ, огладил по загривку выбравшегося из-под стола волка и обвел нас хмурым взглядом:

– По крайней мере, Зингаре осталась ее правительница, а мне – собственный вице-король и библиотекарь...

– Ур-р, – негромко проворчал белый волк.

– Эрхард тоже с вами? – догадался Конан. Чабела молча кивнула и осторожно осведомилась:

– Как... Как твои успехи?

– Скверно, – варвар обеими руками взъерошил мокрую шевелюру, в которой блеснули белые нити первой седины. – Вообще все скверно.

Из-за занавески появился Монброн-старший и привалился к дверному косяку, молча поглядывая на нас колючими зеленоватыми глазами.

– Замка Демсварт больше нет, призрачная дрянь сожрала три четверти явившегося сюда народа, галеру с посольствами Офира, Хаурана и Хорайи сорвало с якоря и унесло вниз по реке. Ее до сих пор не нашли, – перечислил Конан и с плохо скрываемым отчаянием добавил: – Из отряда, что пошел за мной и Альбиориксом, почти никого не осталось. Бритуниец в Алгизе, его здорово потрепали, теперь не скоро встанет на ноги...

Веллан-волк открыл пасть и часто запыхтел, прижав ост-

рые уши к голове – таким образом собаки и их дикие сородичи выражают крайнее беспокойство.

– Тотлант и Эртель целы, – Конан догадался, о чем хотел спросить обитатель Пограничья. – Эртеля тоже заставило перекинуться в зверя, а так он в порядке. Дженна приехала со мной, она, должно быть, скоро явится – отправилась разузнать, не уцелел ли кто из ее знакомых... Зато Аластор куда-то сгинул... И Дане Эрде наверняка пришел конец. В том кошмаре, который учинила она на пару с ксальтоуном, никто не выживет... Надеюсь, он подох в муках, оставив Тараска без верного помощника, – мстительно закончил варвар.

– Так Тараск жив? – напряженно переспросила Чабела.

– Ага. Я его видел издалека. К счастью, он меня не заметил.

– Где он? – вырвалось у меня.

– В лиге к полудню от бывшего Демсварта. Торчит на дороге в Нумалию, при нем – с полтысячи изрядно напуганных гвардейцев, чрезвычайно счастливых тем, что остались живы. Мы тихонько проскочили мимо и отправились искать, куда вы могли подеваться. Заглянули в лагерь на Посольском холме – никого, только ветер свистит. Дженна предложила сунуться сюда, и первый же встречный зингарец отправил нас к дому старосты.

У входа снова что-то загремело и застучало. Хлопнула дверь, вошли, стряхивая воду с плащей и ежась, двое. Первый визитер оказался Дженной Сольскель – осунувшейся и

слегка прихрамывающей. За ней...

За девицей из Пограничья следовал высокий беловолосый молодой человек в доспехе, украшенном изображением головы дракона Немедии. Увидев его, Чабела совершенно не по-королевски присвистнула, а Просперо удивленно вопро-сил:

– Ваша милость? Конан... э-э, Ваше величество, почему вы нам ничего не сказали?

– В суматохе забыл, – честно признался Конан, пока гости устраивались на свободных местах.

– Он забыл, – с неподражаемой интонацией протянула зингарка. – Может, Ваше величество забыли сообщить нам еще какие-нибудь важные новости?

– Вроде нет, – откликнулся варвар, но внимание Чабелы уже полностью принадлежало Ольтену:

– Как прикажете теперь поступать, ваша милость? Где ва-ша приятельница, маленькая Эрде? Только не говори, что с первым солнечным лучом отправишься на ее поиски! Луч-ше уж сразу поищи веревку потолще и ветку покрепче! Ты понимаешь, что ваш с Долианой Рокод блистательно прова-лился?

– Еще не все потеряно, – устало и, как мне показалось, равнодушно пробормотал немедийский принц.

– Армии у тебя нет, живого символа, герцогини Эрде, вдохновительницы всех ваших идей и магички... покоя и мира ее душе... – тоже нет, в умах большинства обитателей

страны вы отныне считаетесь пораженной стороной, – Чабела наставительно ткнула в Ольтена указательным пальцем. – Растолкуй, пожалуйста, где ты видишь хоть единый проблеск надежды!

– В выигранном времени, – разумная мысль принадлежала не Ольтену, но внимательно слушавшему Райану Монбруну.

– Никто не знает, что ваша милость уцелели, – поддержал танасульского мага Просперо. – И это очень хорошо... Просто замечательно.

– Бегство? – Ольтен слегка оживился, но оживление его быстро пропало. – Куда? Кому нужен человек, за которым тянется двусмысленная слава самозванца, без единого золотого в кармане, без единомышленников и...

– Мне, – перебил Конан. Эльсдорф-младший осекся, словно прикусив язык. Дженна вопросительно изогнула бровь и покосилась на киммерийца. – Сейчас мы соберем остатки твоего отряда и аквилонцев, после чего исчезнем. Мы тут никогда не проезжали и вы нас не видели.

– Ваше величество бесследно пропали в неразберихе всеобщего бегства от призраков, – изрекла зингарская королева. – Думаю, пройдет дня два-три, прежде чем Тараск наведет порядок и сообразит, что к чему.

– А ты? – насторожился варвар.

– Я останусь, – Чабела безмятежно махнула рукой. – Кто-то должен проследить, чем завершится наша авантюра. Мо-

жет, всплывет нечто занимательное. В любом случае, я в полной безопасности.

– Но я не могу уехать, не убедившись, что Дана действительно погибла! – резко проговорил Ольтен. – Если Вашему величеству угодно проявить такое снисхождение, заберите в Аквилонию моих уцелевших сторонников, а я тем временем...

– Не говори глупостей! – Зенобия сердито стукнула кулаком по столу. – Ты – вне закона. Тараск землю и небо перероет, дабы вздернуть тебя у Башни Висельников...

– При большом стечении ликующих подданных и приговором «Главарь бунтовщиков», – ядовито завершил фразу Монброн. – Уезжайте, в самом деле. Когда суета поутихнет, мы тоже отправимся за вами.

– Это еще зачем? – подозрительно насторожился Конан.

– Давненько я наведывался в Тарантию, – с мечтательностью в голосе произнес Райан. – Госпожа Фриерра, опять же, изъявляла желание познакомиться с блистательной Аквилонией. И в Танасул надо съездить, известить семью Маэля об утрате...

– Маг и вампирша, – киммериец закатил глаза. – Боги, спасите и сохраните! Кстати, кто-нибудь видел Рейе, брата Ринги Эрде?

– Он жив, но ранен, – коротко ответила Чабела, взглядом приказывая невольным свидетелям – Просперо, Райану и мне – держать язык за зубами. – Я позабочусь о нем.

– Как знаешь, – Конан сгреб с блюда непрожаренного вида лепешку, откусил половину и встал. – Сожалею, благородные месьоры, но нас с нетерпением ожидают мокрая ночь, долгая дорога и очень жесткие седла. Когда доберемся до Нумалии, найдем тихий постоялый двор и денек передохнем. Чабела, я на тебя надеюсь – всегда и везде. Пришли в Тарантию весточку, ладно?

– Брысь! – фыркнула зингарка. – Чем меньшему числу зевак вы попадетесь на глаза, тем лучше.

Собирались мы с лихорадочной поспешностью, но забежать к Цинтии я успел. Госпожа Флана глянула на меня весьма неодобрительно, однако разбудила молодую баронессу, и мы распрощались на просевшем от старости низком крыльце, под холодными каплями мелкого дождя. Собственно, я только намеревался сказать, что вынужден спешно уехать и весьма сожалею об этом, но на язык подворачивались совершенно неподходящие слова – привычно-галантные, обкатанные, как камешки на морском берегу, и ничего не выражающие.

– Напиши мне, – вдруг попросила Цинтия. – Сейчас не время и не место для долгих разговоров. Просто напиши: Бельверус, квартал Алмель, улица Медведя, усадьба Целлиг. Обещаешь?

– А... Обещаю, – брякнул я.

– Так я буду ждать, – Цинтия, стоявшая на верхней ступеньке, наклонилась, быстрым, каким-то птичьим движением

ем поцеловала меня и скрылась за дверью.

Тарантия, Аквилония.

5 день Третьей весенней луны.

Наш поспешный отъезд из Демсварта, вполне заслуживавший названия «бегства под покровом ночи», прошел на редкость удачно. Тогда, сразу после битвы, никого не заинтересовал отряд всадников, удаляющихся проселочными дорогами в сторону Нумалии. Через четыре дня мы достигли крепости Вайзуз на границе, откуда лежал прямой путь к столице Аквилонии. Конан увез с собой не только принца Ольтена, но и десяток его сподвижников, а также Дженну Сольскель, внезапно решившую отправиться попутешествовать. Посмотрим, к чему приведет эдакое странствие в обществе Его величества короля аквилонского...

Новости из Немедии дошли до нас к началу Третьей весенней луны, и новости были, прямо скажем, ошеломляющие.

Долиана Эрде осталась в живых, но ее могущественный Талисман пропал. Пропал, и все тут! Какой-то мародер незамысловато снял его с предводительницы Рокода, сунул в карман и уволок в неизвестном направлении. Армия Тараска еще седмицу торчала под Демсвартом: гвардейцы ловили уцелевших мятежников, а ксальтоун, умудрившийся избежать гибели, несомой Тенями, разыскивал сокровище. Кол-

дуну досталась лишь безжалостно исковерканная золотая оправа, подобранная шагах в десяти от тела Даны. Разыскивал он, по слухам, везде: среди мертвых и среди живых, среди взятых в плен мятежников и среди оставшихся в живых легионеров Тараска Эльсдорфа. Искал яростно и жестоко, допрашивая всех, кто вызывал хоть малейшее подозрение. Искал, твердя, что ощущает близкое присутствие Камня.

Искал – и не находил. Заставил пятерку Летучих Мышей спуститься по целой паутине веревок в Провал, образовавшийся там, откуда вырвались Призраки. Искатели выяснили, что на дне расщелины находится грязевое озерцо, над которым поднимаются гнилостные испарения. Один из воинов по неосторожности вдохнул слишком глубоко и отравился, сорвавшись вниз и захлебнувшись в размякшей глине. Менхотеп распорядился пригнать к яме жителей Алгиза и вычерпать грязь. Приказ выполнили. Камня не обнаружили.

Разъяренный ксальтоун прибегнул к помощи волшебства, пытаясь выследить Талисман по неуловимому запаху, который оставляет за собой любой могущественный артефакт. Однако, как мы поняли, над Демсвартским полем смешалось столько заклятий, что малейшие приметы, могущие подсказать, куда делся Каримэнон, сгинули, точно слизанные морским прибором легкие птичьи следы. Ксальтоун не мог заставить себя поверить, что магическим кристаллом завладели силы, стоящие над человеческим миром, следовательно, он угодил в людские руки. В чьи? Кто успел за промежуток вре-

мени в суточный оборот клепсидры снять Камень с похожего на труп тела Долианы Эрде и унести его в неизвестном направлении?

Дану увезли в Бельверус и собирались судить вместе с прочими бунтовщиками. Дела Чабелы и всячески поддерживавшего ее Эрхарда, похоже, катились под горку, ибо остальные члены Совета Семи королей разбежались по родным странам. Раненый Альбиорикс на ноги так и не поднялся, ему высочайше разрешили отправиться домой – для поправления здоровья. Относительно судеб Конана и Ольтена ходило множество противоречивых слухов, но, похоже, Тараск догадывался, что аквилонцы вновь его обставили.

Впрочем, теперь это не имело значения. Коронация Тараска Эльсдорфа, наследного принца крови, потомка Нимеда Первого, должна состояться в восьмой день Третьей весенней луны, и горе тому, кто рискнет помешать! Чабела, думаю, даже не пыталась, зная, что иногда приходится мириться с поражением.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Записки Долианы, герцогини Эрде-младшей – I «Бегство сквозь огонь»

Бельверус, Немедия.

10 день Третьей весенней луны.

На протяжении двух седмиц, с двадцать шестого дня Второй весенней луны по десятый день Третьей весенней луны, я постепенно сходила с ума. Миг начала безумия пришел под Демсвартом, когда меня выволокли из-под тяжелой конской туши и утвердили на ногах, подпирая с обеих сторон. Надо мной возвышался донельзя разъяренный и жаждущий крови ксальтоун, но поначалу я не обратила на него внимания.

Вокруг тянулась Демсвартская равнина – тающий снег, грязь, пятна крови, ошметки разодранных в клочья плоти и железа. Курящийся сизоватым дымком Провал, уходящий в земные недра. Наполовину обрушившийся и съехавший в реку замок. Тысячи погибших по моей вине людей, сторонников Рокода и легионеров Тараска. Пропавший Талисман.

Постепенно до меня дошло, отчего беснуется ксальтоун. Ставший почти осязаемым Каримэнон проскользнул у него

сквозь пальцы. Кто-то взял его. Вытащил из моей руки, считая валявшуюся на краю пропасти Дану Эрде покойницей. Забрал и унес.

Ксальтоун безжалостно вывернул наизнанку жалкие останки моего разума, пытаюсь отыскать в них след похитителя. Маг надеялся, что я заметила хоть какую-нибудь мелочь, тень, особенность, прежде чем Камень сменил владельца. Бесплезно. Как выяснилось, я не помнила ровным счетом ничего.

Убедившись в моей никчемности, Менхотеп потерял ко мне интерес и целеустремленно занялся розысками сокровища на поле битвы. Я досталась Тараску: редкостный, хотя и сильно потрепанный трофей. Его высочество немедля обуялся милосердием, распорядившись устроить добычу со всеми возможными удобствами и приставив умелого лекаря. Конечно, ведь я требовалась ему живой и относительно невредимой!

А я хотела умереть. Герцогиня Эрде-младшая подвела всех, кого могла: друзей, сторонников, единомышленников и сородичей. Любой, кто пытался следовать за мной, очень быстро погибал. Почему моя судьба должна быть иной? Раз они умерли, я тоже последую за ними.

Остатки армии Тараска Эльсдорфа снова и снова обшаривали низину возле стен бывшего Демсварта. Каждое утро я надеялась, что наступающий день наконец станет для меня последним.

Я оставалась в этом мире. Потерявшая интерес ко всему сущему, похожая на выходца из могилы, с тихо угасающим под бременем вины рассудком, однако живая. Где-то поблизости постоянно находился лекарь и караулившие меня стражники, однажды мне показалось, будто мой фургон навестила Чабела Зингарская, но, скорее всего, это мне приснилось. Я дремала, пребывая на грани между сном и явью, и очнулась, как ни странно, благодаря Тараску.

Его светлость заглянул справиться, вынесу ли я путешествие до Бельверуса. Заодно Тараск хотел убедиться, что я не исчезла. В глубине души он наверняка опасался, что я прибегну к какому-нибудь волшебству и испарюсь. Совершенно напрасные подозрения. Моя магия, если таковая вообще имелась, а не была целиком и полностью заимствована у Камня, иссякла, словно пересохший колодец в пустыне. Тараск довольно долго смотрел на меня, изумленно хмыкая (должно быть, мой вид не отличался большой привлекательностью), потом негромко окликнул по имени. Наверное, я пошевелилась в ответ, и он решил задержаться и поболтать. Или просто желал насладиться плодами дорого доставшейся победы.

Так или иначе, Тараск присел на скамью и поведал мне много прелюбопытных вещей, говоря сочувствующе-бодрым тоном, каким принято обращаться к тяжелобольным. Я услышала имена людей из нашей с Ольтеном свиты, которых ему удалось захватить в плен. Из двадцати тысяч че-

ловек, явившихся к стенам Демсварта, выжила едва ли четверть. Мятежники, принявшие на себя первый удар призрачной орды, полегли почти целиком. Совет Семи королей и Ее величество Чабела изрядно струхнули, почти согласившись признать Тараска королем, а Рокод Полуночи – бунтом кучки зарвавшихся юнцов. Конан Аквилонский и король Бритунии исчезли вкупе с частью своих гвардейцев и несколькими подданными Пограничья. Прошел слух, будто их видели спускающимися в долину незадолго до Прихода Теней.

Должно быть, у меня сохранилась капля здравого смысла. Или наоборот, слова подсказывало хихикающее безумие. С трудом открыв рот, я прокаркала, что вина за случившееся целиком и полностью лежит на мне. Я цеплялась за эту мысль изо всех сил. Моя судьба не имеет значения, пусть только оставят жизнь остальным пленным. Пусть сошлют в самое далекое захолустье, пусть лишат права принадлежать к благородному сословию, пусть отберут все, только пусть не будет смертей...

Я столько раз повторяла эти слова, что сама начала в них верить. На самом деле для Тараска и тех, кто участвовал в поспешном суде над мной, болтовня полусумасшедшей девчонки не имела никакого значения. Они торопились отделаться от нас. Отделаться так, чтобы впредь никому не пришлось в голову осмелиться выступить против могущества королевской власти и Его величества Тараска Эльсдорфа. Обычно новый правитель страны перед коронацией объяв-

ляет о помиловании содержащихся в тюрьмах преступников, однако нас эта традиция не касалась. Нам предстояло получить все, отмеренное неумолимой карающей рукой закона.

Тараск и его судьи, надо отдать им должное, не нарушили ни единого уложения. Разве что со мной решили поступить строже обычного, чего я вполне заслуживала.

Время скользило мимо. Я не боялась, просто терпеливо и устало ждала. Тосковала по Камню. Наверное, так должна себя чувствовать женщина, у которой умер маленький ребенок. Впрочем, у меня нет детей, да и не будет. Род Эрде пресекался, не начавшись толком. В живых осталась только Ринга Эрде, и та безумна.

Сегодня меня разбудил вливающийся в окно многоголовый шум толпы. Ожидание закончилось.

* * *

Повозка смертников ждала в крохотном внутреннем дворе замка, опущенный задник придвинут вплотную к дверям. Обычная двуколка с высокими бортиками, на каких возят ящики с овощами или дрова, ради торжественного случая обитая дешевым черным сукном. Меня посадили наверх, следом вскарабкались двое стражников и втащили что-то увесистое, отрывисто позвякивающее. Я стояла, чувствуя

под ногами занозистые, грубо оструганные доски, и щурилась. Сегодня выдался на редкость ясный и теплый денек, настоящее лето. Ну да, ведь наступила Третья весенняя луна. И, кстати, благополучно миновал мой день рождения, проходящийся на начало этого месяца.

Шаткая повозка раскачивалась под тяжестью забравшихся в нее людей влево-вправо. Приглядевшись, я увидела, что на последнюю прогулку меня повезут два мула – как положено, светлой и темной масти. Гвардеец, державший мулов под уздцы, как-то странно глянул на меня и быстро отвернулся. Пребывание в заключении отнюдь не сделало без того страшенькую Дану Эрде первой красавицей Немедии.

Возня за спиной окончилась, меня довольно вежливо попросили протянуть руки назад. Я подчинилась, заодно посмотрев через плечо. Понятно. Толстый столб со зловещего вида цепями и наручниками.

Стражники завершили свое дело и спрыгнули на землю. Хлопнул поднимаемый борт повозки, скрипнули деревянные задвижки. Мулы деловито зацокали копытами по булыжникам, проплыла справа глухая стена без окон, сложенная из блоков коричнево-серого гранита, затем мы въехали под низкую арку, освещенную парой факелов, и остановились. Впереди я разглядела закрытые ворота и яркую золотистую щель, разделяющую створки, а слева – маленькую дверцу, куда поспешно юркнул один из моих сопровождающих. За воротами приглушенно гудела толпа. Внезапно до

меня долетел короткий, яростный вскрик, утонувший в общем усилившемся гомоне. Жизнь кого-то из моих сторонников завершилась, подобно задутой ветром свече.

– Кто это был? – я решила, что ничем не рискую, обращаюсь к стерегущим меня гвардейцам.

– Не знаю, – сразу же откликнулся тот, что держал мулов. Подумал и уточнил: – Не знаю, госпожа.

– Сегодня всех, кто верховодил над мятежниками, того... В общем, конец им настал, барышня, – словоохотливо пояснил его напарник, постарше годами, и понизив голос, быстро проговорил: – Эй, может передать кому чего нужно? Ты скажи, мы сделаем.

Я старательно поразмыслила, вспоминая, отыщется ли в этом мире человек или люди, желающие выслушать мою последнюю волю, и отрицательно помотала головой:

– Спасибо. У меня больше нет ни родни, ни друзей.

Конечно, невезучесть Долианы Эрде погубила всех. Даже тех, кто мог бы уцелеть. Невовремя припомнилось, что на моей совести лежит еще и гибель рабирийского дядюшки, Рейе да Кадена. А ведь он ехал сюда, чтобы спасти непутевую дочь своей младшей сестры... Сколько их, ожидающих на Серых Равнинах, готовых встретить меня справедливым упреком: «Почему? Почему ты допустила, чтобы мы умерли?»

– Ты бы помолилась, – неожиданно посоветовал старший гвардеец. – Легче станет. Ты вообще какой веры будешь?

Митрианской?

– Нет, иштарийской, – ответила я, честно прибавив: – А также я имею честь быть неvezучей последовательницей Роты-Всадника.

Стражники покосились на меня, как на блаженную дурочку. Нечасто, должно быть, им доводилось сопровождать к месту казни малолетнюю злодейку короны, пытающуюся острить.

Неприметная дверца выплюнула целый отряд в зелено-красной форме дворцовой гвардии, в надраенных до ослепительного блеска доспехах и вооруженных длинными копьями. Они окружили повозку плотным кольцом, и мои недавние собеседники затерялись среди них. Стало тесно, шумно и хлопотливо. Кто-то громко распорядился, и я почувствовала себя в роли бестолково мечущегося жертвенного теленка, которого никто не спрашивает, хочется ему оказаться на алтаре или он предпочел бы прогуляться на ближайшую лужайку.

Ворота грузно распахнулись. Ворвавшийся поток солнечных лучей затопил арочный проем, заиграл искрами на кирасах гвардейского отряда и упряжи мулов, а я снова заморгала от слишком яркого света. Скрежетнуло и подпрыгнуло наехавшее на камень колесо: мы продолжили путь, миновав ворота и выбравшись на большое открытое пространство. Сбоку к нам пристроились всадники, замкнувшие по углам квадрат пеших гвардейцев.

Процессия двигалась не слишком быстро, так что я получила отличную возможность оглядеться по сторонам. Мне не доводилось присутствовать на казнях, поэтому я вдруг болезненно заинтересовалась каждой мельчайшей подробностью.

Повозка катилась между двумя рядами гвардейцев, описывая большую дугу и постепенно забирая вправо. Слева нависала одна из башен Бельверусского замка короны. Громоздкая, тяжеловесная, в венце массивных зубцов, украшенная важно развевавшимися на ветру стягами с гербом королевства. Длинная тень башни падала на выстроенные неподалеку от ее подножия полукругом трибуны в пять ярусов. Верхний, украшенный множеством разноцветных полотнищ, черно-бело-алых знамен, длинных вымпелов и ярких лент, наверняка предназначался для особ, полагающих себя не простыми смертными.

Мгновение спустя я убедилась в собственной правоте, всмотревшись в лица людей, занимающих почетные места на мрачном представлении с моим участием. Совсем недавно они составляли костяк Совета Семи королей, а сегодня...

Посередине, чуть повыше прочих, располагалось вычурное кресло, больше похожее на маленький трон и принадлежащее Тараску Эльсдорфу. Новый король Немедии не выглядел довольным, скорее, он походил на человека, стремящегося поскорее выполнить тягостную, но необходимую обязанность. Темно-красный силуэт в глубине, за спинкой

кресла – надо полагать, ксальтоун собственной персоной. Не отказал себе в удовольствии полюбоваться на кончину изрядно попортившей ему кровь соперницы.

По левую руку от Тараска восседала красивая, величественная женщина в ослепительно-голубом с золотом платье. Чабела Зингарская, которую я считала глупой гусыней и которая делала все, дабы удержать некую сумасбродку Дану Эрде от роковых промахов. На лице королевы Побережья сохранялась маска холодной любезности, но завидев меня, она вздрогнула и невольно прижала руку к губам. Кто-то из свитских, стоявший позади нее, резко наклонился вперед, не то за приказанием, не то шепча правительнице на ухо последние новости. Чабела слушала, но ее взгляд не отрывался от моей тряской колымаги – взгляд беспомощный и сочувствующий. Лучше бы она смотрела в другую сторону...

Компания справа от Тараска высказала свое мнение сразу и определенно. Белокурая дама в шелках жемчужного оттенка, седой старик в зеленом и коричневом, и двое молодых людей – оба высокие и светловолосые. Офирская графиня Клелия Кассиана, король Эрхард из Пограничья, Эртель, его племянник-наследник, и верный приятель Эртеля, капитан гвардии Пограничного королевства, Веллан. Где он успел руку сломать? Не при Демсварте ли? До меня долетел смутный отголосок слуха, будто кто-то из Совета Семи королей нарушил обещание держаться в стороне, заметив уготовленную мне ловушку и вмешавшись в битву на стороне мятежников.

Упоминались имена Конана Аквилонского и Альбиорикса, правителя Бритунии... Кстати, ни того, ни другого я на трибунах не заметила. Аквилонцы отсутствовали напрочь – ни короля, ни великолепного пуантенского герцога, ни его свиты, никого. Неужели я должна прибавить к длинному списку своих невольных жертв еще и их? А может, они решили таким образом выказать свое отношение к Тараску и его поступкам?

Принц Пограничья и его друг явно намеревались затеять скандал, и поводом для него служила моя скромная особа. Кажется, они решили убедить Тараска даровать мне жизнь, но вот беда – просить о чем-либо и разливаться в куртуазных словесах варварская парочка считала ниже своего достоинства. Неудивительно, что их очень скоро попросили освободить ложу от своего присутствия. Эрхард попытался вмешаться и отступился, не желая или опасаясь спорить с Тараском. Я его не осудила: он должен помнить о своем маленьком королевстве, во многом зависящем от могущественной Немедии.

Молодые люди сбежали по боковой лестнице к первому ярусу и остановились там. Судя по их жестам, они всерьез обсуждали возможность наброситься на стражу и попытаться добраться до меня.

«Даже не думайте, – мысленно попросила я, когда дребезжащая двуколка поравнялась с левым краем трибун. – Сюда согнали гвардейцев не меньше, чем полегло легионеров на

Демсвартской равнине».

Трибуну, отведенную представителям благородного сословия, повозка миновала в полном молчании, нарушаемом ритмичным топотом и лязгом доспехов стражников, фырканием мулов и позвякиванием моих цепей. Многие из тех, что сидели на скамьях, недолюбливали моих родителей, вполне обоснованно считая Мораддина и Рингу Эрде своими врагами. Однако вид торчашей на черном возке смертников ободранной тощей девчонки изрядно поколебал их верноподданнические чувства. Думаю, я мало напоминала закоснелую злоумышленницу.

Одолев с двести шагов расстояния вдоль дворянской трибуны, мулы, повинувшись ведущему их гвардейцу, развернулись головами к стенам Бельверусского замка и остановились. Справа тянулось плотное воинское оцепление в пять или шесть рядов, а за ним мерно колыхалась толпа из обитателей славного города Бельверуса. Человеческое столпотворение заливало немалых размеров площадь перед замком, люди торчали на крышах и в окнах окрестных домов, их непрестанно звучащие голоса сливались в подобие морского рокота. Они толкались, шумели, пробирались вперед, выкрикивали проклятия и нечто, принятое мной за одобрительные возгласы, хохотали, голосили и улюлюкали. Я едва не оглохла.

Настало время набраться храбрости и взглянуть на ожидающий меня конец пути. С того мига, когда повозка оказа-

лась за воротами замка, я избегала поворачивать голову влево. Теперь иного выбора просто не оставалось.

Выглядело место казни просто и буднично.

Квадратная площадка, примыкающая к стене замка короны, со стороной в полсотни шагов, засыпанная сероватым песком и окруженная двойной цепочкой гвардейцев. Почти под самым бастионом угловато возвышаются три виселицы, середину площадки занимает добротный сколоченный помост с тяжеловесной дубовой колодой, и совсем близко, шагах в двадцати поднимался высокий столб, старательно обложенный вязанками хвороста и поленьями. Макушку столба украшала перекладина, с которой свисало потрепанное и заляпанное грязью знамя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.